

ЛЕГЕНДЫ ЗАПАДНОГО ХОЛМА

12+

В ТЕНУ ОХОТНИКА

КНИГА II
СЕДЬМОЙ САМАЙН

ЕЛЕНА САМОЙЛОВА

Елена А. Самойлова

В тени охотника 2.

Седьмой Самайн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60698583

SelfPub; 2021

Аннотация

Время идет и ставки в игре под названием «охота» растут день ото дня. Не помогут уже ни бродячий скрипач с чудесной скрипкой, ни обремененный условиями друг детства – ведь уже не только ожившая тень нагоняет чародейку Арайю на долгой дороге к поставленной цели. По пятам следуют фэйри и люди из колдовского ордена, а в скором времени и Сумеркам наскучит вмешательство чародейки в чужие дела. Седьмой Самайн уже близко, и именно он отделит друзей от врагов, подлинную любовь от фальшивой, и расставит всё по своим местам...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	60
Глава 3	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Елена Самойлова

В тени охотника 2.

Седьмой Самайн

Автор выражает благодарность Евгении Шпилевой и Елене Семиколенных за интересные обсуждения, своевременные комментарии и помощь при создании романа.

Пролог

Из записок знаменитого путешественника Сержи Круса

Длинна цепь Цзиррейских гор, высоки заснеженные вершины величественных пиков, перевалов и горных троп великое множество, но таких, чтобы можно было перебраться на ту сторону – единицы. И всего две дороги, по которым можно с небольшим риском перейти через горы, но только в краткий промежуток времени между праздниками самого длинного дня в году и осеннего равноденствия.

Живет за Цзиррейскими горами странный, не похожий на других, угрюмый северный народ. Не любит он пришельцев, относится к ним с недоверием и подозрением, но каждый год в разгар короткого и холодного северного лета приходят эти люди к подножию Цзиррейских гор, ставят маленькие округлые палатки из хорошо выделанной кожи, разрисованной обережными символами, и ждут гостей с южной земли. Бойкая торговля идет в те дни, приносят «ледяные люди» белый пышный мех, вяленое мясо огромного зверя, живущего в далеком северном море, костяные поделки и зимнюю одежду, охотно выменивают их на железные ножи и наконечники копий, на скребки и домашнюю утварь, поскольку сами кузнечества не знают. На Перевальном Торжище любой смель-

чак, отважившийся пуститься в опасный путь через Цзиррейские горы, мог сменять коробку толстых железных игл на две-три серебристо-белые шкуры снежной лисы, несколько ножей – на зимнюю шубу, и домой вернуться уже богачом.

Вот только непрост путь на этот северный «край света».

Перевал опасен не только лавинами и крутыми горными тропами, но и тем, что очень быстро становится непроходимым для пешего человека. Всего несколько недель – и над перевалом вначале сгущаются холодные густые туманы, а затем северные ветра пригоняют снеговые тучи, заметающие дорогу. Чуть-чуть опоздал – и вот уже обратный путь закрыт до весны, а «ледяным людям» и дела нет до твоей беды. Как только оканчивается Перевальное Торжище, как собирают они свои кожаные палатки, укладывают наменянное добро на волокуши, запряженные темно-серыми, с белыми подпалинами оленями, да и пускаются в обратный путь, к берегам ледовитого моря, где и стоят их деревни-стойбища. И с собой не пустят, как ты их не упрашивай. На все один ответ – вот если приведут тебя к нам великие духи севера, тогда только и будешь желанным гостем в любом доме. А до того – чужак ты, нет тебе среди нас места, и не будет. Сам пришел – сам и уходи.

Впрочем, одному человеку все-таки удалось побывать в деревне «ледяных людей», с его слов я и пишу эту главу. Станный он человек, этот бродяга, встретившийся мне на постоялом дворе в забытом Всевышним месте. Смешливый,

что малый народец, здоровый, будто медведь, а нрав такой, будто бы ничего и никого этот человек в жизни своей уже не боится. Ни людей, ни фэйри, ни поганую нечисть из Сумерек. Да и имя у него такое же, как у знаменитого бродяги «перекати-поле», про которого еще моя бабка байки травила – Раферти.

Он и рассказал мне, что как-то ходил Цзиррейским Восточным перевалом, не столько ради наживы, сколько хотелось ему посмотреть на знаменитое Перевальное Торжище. А ведь по Восточному перевалу, который ближе к месту торжища с «ледяными людьми» ни одна лошадь, ни один мул не пройдет – только человек, потому и нанимают богатые торговцы носильщиков, да побольше. Хорошие деньги сулят, треть платят вперед, остаток – как обратно людской караван вернется. И многие соглашались, хоть риск и большой. Всегда найдутся желающие испытать удачу, и не только чужое добро на обмен пронести, но и от себя чего-то прихватить.

Собеседник мой в такой караван и пошел. Неделю всего через горы перебирались, очень уж повезло с погодой – сухо, дождей не было, дорога хоть и тяжелая, крутая да капризная, но преодолимая. И так совпало, что на Перевальное Торжище очень много «ледяных людей» приехало. Будто бы не из двух-трех селений, как обычно, а со всего побережья собрались. И жадность такая «караванщиков» обуяла – сменяли все железо, что при себе было, даже засапожные ножи за пушистые шкурки отдали, а когда опомнились, было уже позд-

но. Затягивался Восточный перевал холодным густым туманом, пробираться в котором было все равно, что вслепую, а «ледяным людям» хоть бы что – собрали свои палатки, собрали добро, да и двинулись в обратный путь, к морю.

А Раферти за ними на почтительном расстоянии тронулся. Рассудил мой собеседник так – коли через перевал все равно не перебраться, так хоть напоследок посмотрю и на ледовитое море, и на стойбища. «Ледяные люди», видя, что идет он на почтительном расстоянии, бродягу не трогали, а когда впереди показалась деревня, то неведомо откуда вышел огромный зверь. Будто бы медведь, только больше и мех белый, как снег. Он побрел следом за бродягой в двух десятках шагов, вот только шел странно. Идет Раферти – и медведь идет. Остановится человек – и медведь встает на месте, не шелохнется. Так до стойбища и дошли, а там бродягу уже ждали «ледяные люди» и колдун их местный, чаровник и лекарь, которого местные называли «шаманом». Он-то и сказал, что раз сам хозяин моря решил проводить южного человека до теплых жилищ, то быть ему дорогим гостем в любом доме до самой весны. А то и дольше, если гость пожелает остаться насовсем.

Так и зазимовал южный бродяга у «ледяных людей», до самого лета с ними в одной яранге – доме-палатке из теплых шкур – прожил, а когда вернулся в Дол Реарт, то рассказал удивительные, невероятные вещи. Будто бы солнце в тех краях не опускается за горизонт по полгода, а осталь-

ную половину не появляется вовсе. Что долгой-долгой ночью ледяное небо расцвечивают радужные полотнища и сполохи невероятной красоты, а звезд там бесчисленное множество. Что весной у людей есть несколько дней «морского пира», когда холодное море отступает от берега, оставляя в многолетнем льду большие пустоты, куда спускаются дети и подростки, чтобы набрать полные корзины моллюсков и водорослей. Неустанно трудится младшее поколение, собирая щедрые морские дары, а старшие опасливо вглядываются в горизонт, наблюдают за морем и ждут, когда оно соизволит вернуться, заполнить холодной соленой водой ледяные пустоты у берега.

Одеваются «ледяные люди» в одежду из звериных шкур, сшитую мехом внутрь и, что самое поразительное, под этой меховой одеждой, где куртка с капюшоном и штаны нередко собраны в одно целое, у них практически ничего нет. Только короткая рубашка из тонкой кожи и широкий пояс с перемычкой, опоясывающий бедра – в этой одежде «ледяные люди» остаются, когда входят в жарко натопленную ярангу и снимают тяжелый мех. Обувь у них тоже сделана из шкуры мехом внутрь, а надевают ее на носки, сплетенные из сухой морской травы. И, как утверждал встреченный мною бродяга, такие сапоги защищают от холода куда лучше самых теплых валенок и носков из шерсти и пуха, а сами по себе легкие и удобные.

Не менее невероятным мне показался рассказ о том, что

великие духи севера, которым поклоняются «ледяные люди», это на самом деле фаэриэ, более ста лет как покинувшие обжитую людьми часть Срединного мира. Что ожившие стихии, нашедшие себе достаточно простора на холодных пустошах у далекого северного моря, живут бок о бок с «ледяными людьми», иногда приходя к ним в человеческом или зверином образе. Проверить эту байку у бродяги, к сожалению или к счастью, возможности не было, да и не надо ему было – следующим летом он вместе с «ледяными людьми» вернулся к Перевальному Торжищу, а там ушел через Цзиррейские горы на юг, чтобы впоследствии рассказать об этом странном, нелюдимом и скрытном народе.

Возможно, когда-нибудь найдутся еще смельчаки, которые рискнут испытать удачу и попытаются напроситься на зимовку у «ледяных людей», но боюсь, что случится это еще очень нескоро. Поэтому остается только полагаться на слова бродяги с постоянного двора и оставить у этой главы пометку «непроверенные сведения» в надежде, что кто-нибудь из будущих поколений все-таки сумеет подтвердить или же опровергнуть этот рассказ...

Глава 1

День Всех Святых в Эйре был не похож ни на одно празднование из тех, что я видела ранее в этот день. Впрочем, канун первого ноября далеко не везде был праздником – скажем, в восточных княжествах к этому дню готовились, как к противостоянию света и тьмы, людских уловок против ухищрений «малого народца», а ближе к Алгорским Холмам, откуда и начинала свой бег Дикая Охота, последний вечер октября встречали, как любой другой ненастный день. С одной лишь поправкой – тридцать первого октября, еще до захода солнца, случайный путник мог постучать в любую дверь в долине у подножия Холмов, попросить убежища на ночь и получить его. Никому не отказывали в покровительстве в эту ненастную буйную ночь, хотя по правде, всерьез за свою жизнь стоило бы опасаться лишь убийце родича, клятвопреступнику или предателю. Черный Охотник – один из самых суровых судий в Срединном мире, и один из самых неподкупных. И Дикая Охота, вырываясь на волю в «волчий час», не тронет того, на ком нет преступления, но и не отпустит виновного. Впрочем, это правило действует лишь на Охоту, которую ведет Король Самайна, а ведь и помимо него с наступлением сумерек много кто выходит в мир людей поражаться на бегу и поживиться, хоть тот же «малый народец».

Что же до меня, то я предпочитаю в Самайн прятаться под защитой стен и хладного железа с заката и до самого рассвета. Пусть охотник Валь и не обращает на меня внимания в эту ночь, когда с него ненадолго спадают путы условий-гейсов, наложенных Королем Самайна, я не желаю испытывать судьбу.

В Эйре же этот вечер в канун ноября – яркий, веселый праздник. На площадях разжигают большие костры, дети наряжаются в страшноватые костюмы и с радостным визгом и улюлюканьем носятся по улицам, то и дело стучась в двери домов и требуя сладостей, а на каждом пороге появляется «тыквенный Джек» – фонарь, вырезанный из тыквы с неременной жутковатой рожицей. С наступлением темноты в «тыквенного Джека» глава дома ставит толстую зажженную свечу из желтого воска и оставляет гореть до самого утра – а потом за завтраком старшая женщина в доме берет огарок и по нему определяет, каким будет для семьи весь следующий год. Старое северное гадание – прогоревшая до крохотного огарочка свеча означает, что множество невзгод растаяли вместе со свечой и что духи-хранители, святые оберегали покой семьи всю ночь, пока нечисть гуляла и пировала на воле. Если же свеча почти нетронута – то дом ожидали неудачи до следующего Самайна. Хуже всего, если желтый воск свечу поутру оказывался запачкан черной сажей – это предвещало большую беду, а то и смерть.

Потому весь день до Самайна мы со старой Изой зани-

мались тем, что вырезали маленькими, остро заточенными ножичками традиционный фонарь из большой оранжевой тыквы. «Тыквенный Джек» вышел на славу, а из мякоти мы на следующее утро испекли два больших румяных пирога – один оставили на печи до вечера, другой же цветочница велела мне отнести в бакалейную лавку на Нижнюю Улицу, всего в квартале от ярмарочной площади. В обмен на пирог бакалейщик выдал мне тяжелую, приятно пахнущую свечу из желтого воска, завернутую в чистую холстину – и уже на выходе я столкнулась с менестрелем. Судя по недовольному лицу и большой корзине, накрытой полотенцем, Гейла послали с тем же самым поручением, что и меня, правда, пожаловаться на тяжелую жизнь он мне не успел – день мне предстоял насыщенный, потому я быстро ушла, торопясь вернуться со свечой к Изе.

Сплошная суета и беготня выдалась, а не день!

Для ряженных детей Иза подготовила корзину со сладким печеньем на меду, возилась все утро – и лишь для того, чтобы эйрская детвора расхватала подношение под вечер меньше, чем за четверть часа. У меня не оказалось времени, чтобы заглянуть в «Красный сапог» и повидать Гейла, зато я успела обойти все лавки на большой ярмарке под бдительным взглядом старой цветочницы. Купить ничего так и не купила, но постоянно тяжелевшую от снеди Изину корзину натаскалась на неделю вперед.

А к вечеру густой пеленой пошел снег, жесткой холод-

ной крупой засыпавший город еще до наступления темноты. Мы с Изой вернулись домой незадолго перед тем, как раненым зверем завывала метель, а ледяная крупа принялась царапать мутные оконные стекла, будто тоненькими коготками, потому надвигающийся вместе с бурей Самайн перестал меня беспокоить. Ведь еще днем я затылком чувствовала чужой пристальный взгляд, ощущала неприятный холодок под сердцем, как будто оживала тонкая серебряная струна, протянувшаяся от моего сердца к охотнику Валю. Словно и сам охотник, оставшийся где-то позади, с приходом этой особой ночи ощутил-таки мое присутствие, понял направление – и оказался куда как ближе, чем я предполагала.

Я болтала со старой Изой, потягивая сладкое разогретое вино с пряностями и медом, время от времени подбрасывая в жарко горящий огонь очага новое поленце. Рассказывала о местах, где мне уже удалось побывать, забавные баечки, которые удалось услышать, а раздобревшая от вкусной еды и хорошего вина цветочница делилась со мной воспоминаниями из далекой молодости. Буря за окном то набирала силу, то утихала, но снег по-прежнему колотил в окно с неослабевающей яростью, так громко и часто, что я не сразу сообразила, что слышу не только шум ветра и метели, но и стук в дверь.

Первым порывом было – вскочить, метнуться через узкий коридор к входной двери, но Иза остановила меня резким, неожиданно строгим окриком, и сама торопливо пошла от-

пирать замки, повелев мне оставаться за столом. Я послушно села на табурет, ощутив ледяной порыв ветра, стегнувший по ногам, когда цветочница отворила дверь, а следом за ним послышался шум бури и жалобный женский плач.

– Эрика, тише! Что стряслось?

Хлопнула дверь, поток холода прекратился и в наступившей тишине дрожащий женский голос показался мне особенно громким, даже когда неизвестная посетительница перешла на сдавленный, отрывистый шепот.

– Помогите, матушка Иза... Сынок мой не вернулся! Гулял с соседскими детьми, нарядился пугалом, я ему корзинку под сладости еще дала, велела вернуться до вечера, а он пропал! Соседские дома все, говорят, что видели его, убегающим домой, но он не вернулся! Матушка Иза.. вы ведь.. можете. Я знаю... и все знают, но молчат ведь... Помогите... Пожалуйста... Что хотите отдам, только найдите ребенка!

Я поднялась с табурета, на цыпочках прокравшись к коридору. Что ответила Иза, я не слышала, но женский плач возобновился, стал отчаяннее и горше, и от него мне было, мягко говоря, не по себе. Ребенок, пропавший в Самайн... да еще в такую непогоду, которая заметает следы и делает поиски практически бесполезными! Да и чем может помочь пожилая цветочница, она же не ищейка.

– Да не мое сейчас время! Луна уже убывает, не могу я! Нет у меня сейчас силы...

Голос Изы стал громче, раздраженнее – а я неожиданно

поняла, о какой помощи просила женщина. Похоже, что не только я успешно прячу свой дар от чужих глаз и не даю ему проявить себя. Не только я в этом доме скрываю бремя Условий на своих плечах, ношу хладное железо и контролирую каждый свой душевный порыв, чтобы не проявить свое отличие от простых людей, свое колдовское наследие.

И чего бы не говорили про таких, как я, но далеко не всегда мы способны распознать и почувствовать себе подобных. Нельзя ощутить чужое бремя, если им не пользуются, не увидишь в человеке чародея, если он запрятал в себе эту искру так глубоко, как только мог запрятать, если он похоронил в себе само стремление колдовать вместе с частицей самого себя, обрубив тонкие стрижиные крылья у своей птицы-души. Это выбор каждого из нас – принять или отвергнуть свое бремя, свои Условия Колдовства. Наше неотъемлемое право, а не обязанность. Но будет ли счастлива птица с подрезанными крыльями? Если она не успела почувствовать радость полета, не успела познать небеса и волю – то да, скорее всего, она сможет быть довольной жизнью и на земле в изящной золоченой клетке. Но если же ее поймали после того, как полет и небо стали одним из смыслов ее сути и жизни, когда хрустальная синева и пушистые облака стали частью ее легкокрылой души, то клетка убьет ее, заставит медленно зачахнуть от тоски.

Так и с нашим колдовским бременем. Я скрывала его меньше двух месяцев, стоило только прибыть в Эйр, не поль-

зовалась даже украдкой для того, чтобы наплатить излишками силы многорядные бусы-амулет – и я уже тосковала, чувствовала себя неполноценной, и неправильной. Птицей с подрезанными крыльями. Чего стоило совсем отказаться от своего дара и не пользоваться ими годами – я и представить не могла. Все равно, что человеку отрубить себе совершенно здоровую руку, только чтобы не выделяться среди других калек.

– Идем, Эрика, – услышала я низкий мужской голос, и рыдания стали тише, глуше. – Здесь нам не помогут. Соберем соседей, возьмем фонари, попробуем сами...

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как сердце колотится в горле, а руки холодеют, пальцы становятся как ледышки – и все из-за того, что я собиралась сделать очередную глупость. Очень большую глупость, которая, скорее всего, дорого мне обойдется. Очень дорого, особенно в Самайн, когда не только Дикая Охота, но и много всякой другой нечисти бродит вдоль дорог и кружит над притихшими селеньями, поднимается над полыми холмами и рыщет среди лесов и полей.

Я могу просто промолчать и остаться в безопасности и тепле этого дома. Могу остаться, позволить уйти этим людям и не думать о том, найдется ли их дитя, пропавшее в такую ночь. И никто не упрекнет меня в этом.

Никто, кроме меня самой.

Потому что, положив руку на сердце, здесь и сейчас я больше всего боялась, что когда состоится очередная моя встре-

ча с охотником Валем, он презрительно усмехнется – и тоже ничего не скажет. Но мы оба будем знать, что я, которая не побоялась когда-то прийти на склон Западного Алгорского Холма, вооруженная лишь солью, огнем и железной цепью, в этот Самайн отступила там, где не должна была отступать.

Это еще одна моя граница, которую я должна держать на замке. Мой страх перед тем, что скрывается во тьме, и если поддаться ему, приоткрыть дверь хотя бы на волосок – он выберется и рано или поздно сожрет меня целиком. И нынешнее искушение – остаться не у дел, отвернуться и притвориться, что все это меня никак не касается – то самое, что отделяет меня от дороги в Бездну.

Скрипнула, открываясь, входная дверь, снова потянуло холодом – и я торопливо вышла в коридор, резко взмахивая рукой и захлопывая дверь перед самым носом у невысокого, кажущегося квадратным из-за очень широких плеч мужчины, придерживающего под локоть плачущую светловолосую женщину. Мужчину я узнала – эйрский кузнец Найл был мне неплохо знаком благодаря тому, что Изе постоянно требовались в хозяйстве то гвозди, то новые ножницы для обрезки стеблей, а как-то раз меня отправили к нему с целым ящиком маленьких лопаток, ножей и ножниц с просьбой заточить и привести в порядок. Не сразу, но я вспомнила и ребенка – серьезного темноволосого мальчугана с любопытным, живым взглядом. Дважды я его видела в отцовской кузнице играющим с какими-то железками и очень внимательно прислу-

шивающегося ко всему тому, что кузнец рассказывал своему подмастерью. Но супругу его я видела впервые, пусть даже и была наслышана о ее непростом характере и обостренном чувстве справедливости, благодаря которому местный судья не оставался без работы, разбирая жалобы на ушлых торговцев, слишком шумных соседей и корчмаря, до неприличия разбавляющего вино.

– Я могу помочь, – негромко произнесла я, складывая пальцы правой руки шепотью и стряхивая с них сияющий мягким золотистым светом огонек-бабочку, который под удивленными взглядами гостей поплыл по воздуху к самому потолку. – Если позволите. Но мне нужна вещь, принадлежавшая ребенку, и знать имя, данное ему при рождении.

– Пряха, – пожилая цветочница смотрела на меня как-то растерянno, будто бы впервые увидев по-настоящему. – Ты что же... даже если бремя тебе позволяет – как же ты пойдешь? Неужели не страшно? Ведь время... непростое.

– Страшно, – неловко улыбнувшись, призналась я. – Но мне нельзя остаться в стороне там, где могла бы помочь. Всем, быть может, и можно, а мне нельзя.

Повисла неловкая пауза. Старая цветочница лишь качала головой, опустив взгляд в пол, светловолосая Эрика смотрела то на меня, то на мужа с какой-то безумной надеждой, сцепив тонкие пальцы на уровне груди. Я разглядела воздушное, вычурное железное кольцо на ее правой руке, прямо-таки металлическое кружево, сплетенное с любовью и укра-

шенное серебряной каплейю. Обручальное, не иначе. Любит ее муж, сразу видно. И ребенка любит – потому и Самайн ему не страшен. Не пойду я – пойдет сам. Один, если соседи окажутся нечувствительными к чужой беде, и либо вернется с ребенком, либо не вернется вообще, сгинув посреди заметенных снегом лугов и серых скал и оставив любимую жену переживать двойное горе. Двойную утрату. Сможет ли она, с такой надеждой глядящая на меня заплаканными глазами? Та, кто не побоялась в такую ночь прийти на поклон к старой чародейке с мыслью вымолить у нее помощь в поисках единственного сына?

Нет, не сможет. Следом за мужем и сыном при первой же возможности отправится.

А значит, груз, что ляжет на мою совесть, окажется в три раза тяжелее.

– Я принесу что-нибудь из вещей Стефана, – наконец произнес кузнец, глядя на меня тяжелым, тревожным взглядом. – Эрика может подождать меня здесь?

Я посмотрела на Изу, и та кивнула, помогая гостье снять тяжелый зимний плащ, под которым оказалось лишь льняное домашнее платье. Похоже, она так торопилась, что даже не надела теплую свиту, как была, как и выбежала из дома, только плащ прихватила.

– Мне надо переодеться, – наконец сказала я, доставая из кармана тонкий кожаный шнур и стягивая им волосы в густой и неаккуратный хвостик на затылке. – Искать ребенка

в тонких портках и рубашке не слишком удобно.

А еще захватить с собой палку Раферти и дареный нож с чаячьими крыльями – просто так, на всякий случай. Потому что никто не знает, где найдется потеряшка – он с равным успехом может оказаться как где-нибудь у друзей, застигнутый непогодой и темнотой, так и на другом берегу реки, на холме, да вообще где угодно.

И с кем угодно, если уж на то дело пошло. В эту ночь фэйри не устоят перед соблазном украсть человеческое дитя, и железный крест над Эйром, боюсь, их не остановит.

Иза догнала меня на лестнице, неожиданно крепко ухватила за рукав и пододвинулась ближе, так, что я ощущала запах свечного воска и вина с пряностями.

– Ты хоть понимаешь, на что подвязалась? Дикая Охота – это ведь не сказки, девочка. Она и в наших краях появляется. Если Стефан оказался за городской стеной – брось, не ищи. Сама же сгинешь, унесет тебя мертвая охота, и кому от этого лучше станет? – голос ее упал до шепота, а в выцветших старческих глазах я впервые увидела ясную, твердую уверенность и глубоко запрятанную, но все еще мерцающую искру чародейства. Выходит, не так уж и позабыто оно, ее бремя. Просто хорошо сокрыто. – Пряха, не ходи. Мне жалко Стефана, и даже очень, но зачем кому-то еще погибать за чужое дитя? С Дикой Охотой шутки плохи, поверь мне. Я не просто так тебе говорю, я знаю, как оно бывает и чем заканчивается. Поутру найдут от тебя только разодранные останки недале-

ко от городских ворот, и хорошо, если опознать по клочкам одежды или украшению сумеют.

Я глубоко вздохнула и мягко накрыла ладонью неожиданно сильную руку цветочницы, которой она ухватилась за мой рукав – и ее пальцы разжались, плечи поникли.

– Иза, я все знаю. Но Дикая Охота меня не тронет. – Я наклонилась к самому ее уху и тихонько поведала ей самую горькую свою тайну.

О том, что я уже предназначенная жертва, и если в эту ночь я повстречаюсь с Дикой Охотой, то она просто не обратит на меня внимания. Если же обратит – то это будет кто угодно, но не свита Короля Самайна, а значит, с ней можно бороться и выйти победителем из этой борьбы. Было бы желание.

А оно у меня есть, и очень сильное.

Я непременно вернусь. И если повезет – то с потерявшим-ся ребенком.

Когда я выходила из дома в холодную темноту, пряча лицо от порывов ледяного ветра, несущего с собой колкие крупинки снега, и сжимая в руке застиранную до нежной мягкости детскую рубашонку, Иза поставила на пороге «тыквенного Джека» с ярко горящей внутри свечой. Повозилась и вставила внутрь цветное зеленое стеклышко, чтобы ветер не задул пламя, а я могла отличить этот фонарь от прочих и найти дорогу именно к этому порогу.

Я глубоко вздохнула – и принялась плести паутину поиска

из тех небольших крох силы, которые мерцали во мне благодаря пожеланию осенней королевы. Отпечаток половинки «колеса года» на правой моей ладони защищал, зачесался – и я ощутила отклик владельца маленькой рубашки.

Далеко – за городской чертой, с той стороны холма.

Я чертыхнулась, сунула рубашку Стефана за пазуху и бегом направилась к ближайшим воротам в надежде, что в такую ночь не будет желающих меня задержать.

Странное дело, но стоило мне обогнуть скалистый холм, за которым скрывался Эйр, как погода резко изменилась. Здесь, на краю небольшой пустоши, протянувшейся всего на версту между холмом и кромкой Старого Леса, было хоть и холодно, но на удивление тихо. Ветер, бьющий в лицо и нещадно секущий по глазам мелким снежным крошевом внутри городских стен, почти сразу утих, стоило мне только выбраться из города и направиться по припорошенной снегом дороге вокруг неприветливо-голого серого холма. Да и сам снегопад прекратился, стоило мне обойти вокруг холма и направиться через пустошь к чернеющему впереди лесу. Небо было все еще затянуто тучами, но в них появились прорехи, сквозь которые нет-нет, да и проглядывала ущербная луна – неровная, выщербленная с одного края, похожая на погрызенный мышами круг желтоватого сыра.

Палка Раферти, на которую я опиралась, прощупывая дорогу сквозь тонкий слой снега, неожиданно дрогнула и на следующем шаге провалилась на ладонь в землю, угодив не то в ямку, не то в нору полевки. Провалилась – и застряла намертво, не давая себя вытащить и продолжить путь. Я остановилась, огляделась вокруг – на удивление тихо, лишь где-то вдалеке раздается равномерный, непрерывный шорох, будто бы кто-то невидимый тянет и тянет за собой бесконечную полосу ткани.

А потом вспомнила, где нахожусь и в какое время.

Слишком я привыкла отсиживаться в Самайн под защитой прочных стен, привыкла к их незыблемости и безопасности. А еще я привыкла к тому, что ночью, кроме Валя, на меня никто уже не охотится, что мой преследователь, моя черная тень посреди серых сумерек – единственный, кого следует опасаться.

А сегодня ночью все иначе. Валь где-то далеко, я оторвалась от него, сумела уйти, спрятаться, спутать следы – и поэтому не стоит рассчитывать на его защиту от тех, кто пожелает на меня поохотиться. Моя дорожная палка редко ошибается, и сколько раз она меня спасала, просто не давая мне пересечь невидимую поначалу черту – не счесть. И если сейчас она так намертво застряла в мерзлой земле, значит нужно оглядеться по сторонам и понять, о чем она меня предупреждает.

Озябшие на холодном ветру пальцы нащупали в потайном

кармашке пояса длинную кожаную ленту с кольцом. Я осторожно, не снимая капюшона и глядя себе под ноги, надела эту повязку, привычно пристраивая кольцо напротив правого глаза, медленно подняла взгляд, постепенно привыкая к слегка изменившейся картине вокруг – и лишь тогда заметила странное свечение, текущее по снегу по направлению, откуда я только что пришла.

К городу Эйру.

Я медленно обернулась и тихонько ахнула от неожиданности – ручейки волшебства тонкими струйками стекались к серому холму так, что он выглядел как клочок суши посреди слабо сияющего моря, островок незыблемости посреди изменчивых туманных волн. А над холмом собирались густые снеговые тучи, пронизанные тончайшими веточками волшебства, и с него же срывался неистовый ветер, неся с собой снеговую пыль и ненастье.

Снежная буря, пришедшая в Эйр, не была естественной. Ее наколдовали. Стянули тяжелые тучи к холму, призвали северный ветер – и попросту отпустили непогоду в направлении Эйра, защищенного холодным железом на башнях и крышах домов. Волшебство, которое гнало бурю по небу, развеивалось над городом, но что с того – ведь направление непогоде уже было задано, и все равно должно пройти какое-то время, чтобы метель успокоилась или ушла прочь за реку.

Неужели такие сложности – и лишь для того, чтобы доса-

дить людям?

А может, чтобы просто удержать их в теплых и уютных домах?

Я вновь взялась за палку Рафerti, которая легко и без усилий выскользнула из земляной ловушки, и пошла дальше, одной рукой придерживая спрятанную за пазуху рубашонку, а другой опираясь на теплое гладкое дерево.

Невольно мне подумалось – а так ли случайно пропал ребенок? Может, его выманили или вывели из защищенного холодным железом города, а буря пришла следом, чтобы замести следы и не дать людям возможности его вовремя обнаружить? Но ведь отец и мать все равно пошли бы, даже если не удалось бы уговорить соседей или Изу помочь им в поисках. Пошли – и непременно выбрались бы на пустошь, где о метели напоминает только тонкое, еще нетронутое снежное покрывало, где вести поиски гораздо легче.

Впрочем... если это фэйри – а я была уверена, что это фэйри, поскольку свежи были еще воспоминания о том, как на Фиолль спускался колдовской туман, как белесый мутный поток перелился через городскую стену и заполнил собой все улицы – то искать разгадку можно долго. Слишком отличается ход их мыслей от привычного людям, а пытаться играть в угадайку на пороге Самайна не казалось мне хорошей идеей. И так времени до преступного мало...

Я почти пересекла пустошь в стремительно сгущающейся темноте, ориентируясь лишь на пульсирующее тепло за-

клинания поиска, на дрожащую от каждого удара сердца паутинку, протянувшуюся от вещи к ее владельцу. Тьма становилась все гуще и непроглядней, а тишина ощутимо давила на уши – как будто мир вокруг оказался заключенным в пучину беззвучия и безмолвия и погрузился в вязкую смолянистую темноту, залепляющую глаза. Я не сразу поняла, что вижу дорогу лишь правым глазом – сквозь волшебное кольцо, подаренное старым бродягой, я даже в сумерках различала присыпанную снегом тропинку, ведущую через пустошь к кромке Старого Леса, отдельно растущие деревья и кусты, с которых и начинался лес, и острые макушки елей вдалеке, царапающие темные небеса. Но левый глаз не видел практически ничего, словно меня поразила частичная слепота – сквозь тьму лишь изредка вдалеке вспыхивали зеленоватые огоньки, которые быстро гасли и спустя некоторое время появлялись в другом месте.

Без кольца, позволяющего видеть истину сквозь наведенные иллюзии, я кружила бы в темноте, не разбирая дороги, до самого утра – и это в самом лучшем случае.

Краем глаза я уловила какое-то стремительное движение на фоне черной стены деревьев. Что-то сияющим зигзагообразным сполохом метнулось между стволов, бесшумно выскользнуло из леса, нырнуло вниз, на мгновение пропав из виду, и вдруг неожиданно возникло передо мной, едва не задев призрачным телом край моего плаща.

Лишь благодаря охотнику Валю, который в течение трех

лет закаливал мою храбрость, то выныривая из тени практически под ногами, то оказываясь за спиной в самый неожиданный момент, я не закричала, не отпрянула прочь и не потянулась за оружием, когда перед моими глазами неожиданно появилось белое призрачное лицо. Внутри будто бы все мгновенно слиплось, смерзлось в ледяной ком, все тело напряглось в ожидании удара, дыхание пресеклось на полувдохе – но я не шелохнулась, даже не моргнула, пристально глядя в жутковатые раскосые глаза, заполненные непроглядной тьмой от уголка до уголка.

Первое правило, если столкнулся с фэйри лицом к лицу – не отводи взгляд.

Мгновения текли удручающе медленно. Я смотрела в зыбкое, полупрозрачное лицо, смотрела, как из-под стеклянистой плоти проступают очертания нелепо вытянутого, сплюснутого с боков черепа – и постепенно приходило узнавание. Мне не повезло столкнуться с вraithом, бесплотным духом, в которого превратился фэйри, окончательно утративший связь со Срединным миром. Такие фэйри не умирают, не рассыпаются серебристой пылью и не возвращаются обратно в Сумерки – они становятся вот такими полупризраками, почти бесплотными – но способными пустить кровь и заморозить сердце, а их крики могут раз и навсегда загасить разум человека, как свечу.

Вraith качнулся вправо, потом влево – и плавно сдвинулся в сторону, отвернувшись и скользнув полупрозрачной,

с просвечивающими белыми костями, ладонью перед моим лицом, словно по невидимой стене провел.

Он не видит меня!

В легких уже понемногу разгорался пожар, в ушах зашумело. Я хотела вздохнуть – но приходилось терпеть из последних сил, наблюдая за вraithом, для которого я по какой-то причине оставалась невидимкой. Возможно, все дело в холодном железе на мне. Даже в шов шерстяного плаща вставлена железная цепочка, не говоря о браслете, двух кольцах на левой руке и горсти ломаных побрякушек по карманам. А может, все дело в неподвижности? Да в чем угодно. Главное – продержаться, выждать, пока вraith не уберется восвояси, потеряв ко мне интерес...

Ну же, быстрее! Иди своей дорогой наконец!

Призрак фэйри будто бы услышал меня – и медленно, будто бы нехотя, поплыл прочь над заснеженной пустошью, и вдруг ускорился, обратился в сияющий метеор, который быстро превратился в крохотную точку и пропал в ночной мгле.

Я очень медленно, очень неторопливо выдохнула, так же медленно вдохнула холодный ноябрьский воздух, пахнувший снегом – и лишь тогда зашевелилась, пробуя вытащить застрявшую в снегу палку Раферти. Ощущение скованности и смерзшегося нутра все не проходило, но оно, быть может, и к лучшему – если бы сейчас «отпустило», то второй раз я вряд ли бы с успехом выдержала подобное испытание. А

так внутри я была будто бы неживая, не ощущала ни страха за себя, ни беспокойства за мальчика, словно моя рубиновая душа-птица опустилась бесчувственным камнем на самое дно непроглядного черного омута, имя которому «безразличие». У меня еще будет время на то, чтобы испугаться, забеспокоиться или опечалиться – но это будет потом, уже после того, как я отыщу мальчишку, живым или мертвым, и верну его родителям в город Эйр.

Теплое, отполированное до стеклянной гладкости дерево выскользнуло из ямки легко и без усилий, я надвинула капюшон глубже и пошла к лесу, ощущая ведущее меня заклинание поиска, как путеводную нить. Одно плохо – это заклинание ведет меня к владельцу вещи, не позволяя распознать, жив он или уже нет, и узнаю я это, только когда окажусь рядом с ним.

Едва видимая тропинка нырнула меж двумя пушистыми елями с развесистыми лапами-ветками, которые цеплялись за одежду, будто настоящие, живые руки с мелкими коготками, едва ощутимо кололи и царапали сквозь плотный плащ – но отступили, стоило мне выбраться по другую сторону и оказаться в лесу.

Здесь было тепло. Здесь пахло пряной листвой, а не первым снегом, и, к моему изумлению, оказалось гораздо светлее, чем на ровной пустоши, хотя казалось бы, должно было быть все наоборот. Я торопливо огляделась – бледный, неявный свет лился откуда-то сверху, проникая сквозь оголенные

с приближением зимы ветки и рисуя на тропе причудливый рисунок из находившихся в постоянном движении теней.

Разгадка нашлась довольно быстро – следуя за колдовской путеводной нитью, я вышла на крошечную полянку и там, подняв голову кверху, увидела сквозь маленькое «оконце» в частом переплетении ветвей яркую, круглую, будто бы серебряная монета, луну.

Против воли вспомнилось отрывистые слова Изы, когда она стояла у дверей и говорила заплаканной, отчаявшейся жене кузнеца, что не ее время, ведь луна ущербная. А здесь, в этом лесу, она была ровной.

Полнолуние, время которого уже прошло или же еще не наступило...

Не знаю, долго бы я так еще стояла, если бы палка Раферти, на которую я опиралась, вдруг дернулась в сторону, да так резко и неожиданно, что я пошатнулась и едва не упала. А едва выровнялась – так припустила бегом по узкой извилистой тропе, которая с каждым шагом становилась все шире и шире, будто бы деревья и кусты сами собой расступались и отходили от меня подальше. Я бежала по исчерченной тонкими тенями земле, перепрыгивая через маслянисто-черные озера, которые даже сквозь волшебное кольцо выглядели неровными лоскутами непроглядного мрака, и у меня совершенно не возникло желания проверять, это просто тени от стволов деревьев, или же бездонные ямы, раскрытые Сумерками в этот дикий, невозможный Самайн.

Бежала изо всех сил – и отчаянно боялась не успеть. С каждым шагом все сильнее делалось ощущение, что переступив границу между пустошью и лесом, я нарушила какую-то границу, и теперь события, которым следовало развиваться неторопливо и неспешно, вдруг начали разворачиваться с головокружительной скоростью.

Где-то вдалеке загремел-загудел охотничий рог, и я, споткнувшись, едва не растянулась на лесной дороге, которая к тому моменту стала широкой, как торговый тракт. Остановилась, переводя дыхание и стирая рукавом свиты пот с лица. Нижняя рубашка давно уже прилипла к спине, легкие работали, как кузнечные меха, ноги понемногу наливались свинцом. Я выпрямилась и прислушалась – где-то вдалеке, в наступившей тишине неожиданно отчетливо раздался надрывный детский плач, причем где-то в стороне, за поворотом дороги, откуда я только что пришла. Невольно я схватилась за грудь, за крошечную детскую рубашонку, прислушалась к дрожанию заклинания, которое слабенько указывало куда-то вперед...

И побежала прочь от тонкого плача, который по мере удаления становился все надрывнее и горше, пока неожиданно не обернулся долгим протяжным воем, который был подхвачен со всех сторон на разные голоса. Молнией пронзил страх, я сбилась с шага, но не обернулась, только перехватила дорожную палку поудобнее. Быстрый взгляд наверх, в черное небо с редкими мазками облаков, на котором непо-

движно висела серебристо-белая монетка-луна.

Нет, что бы это ни было – это не Дикая Охота. Не та великая свора из сумеречных тварей, фэйри и призраков, которую ведет за собой Король Самайна, иначе луна окрасилась бы алым и спустилась ниже, став похожей на зловещий кровавый глаз, взирающий с небес на каждого, кому не посчастливилось оказаться вне крепких стен в такую ночь. Это что-то другое, что только кажется Охотой, а на деле лишь стая взбесившихся фэйри или же кто-то, кто сумел просочиться из Сумерек в мир людей на краткое время, предшествующее рассвету.

Впереди показалось что-то белое, маленькое, хрупкое. Я остановилась, пригляделась – и невольно оторопела.

По широкой лесной дороге, выбиваясь из последних сил, бежал светлый, почти белый олененок. Тонкие изящные ножки неловко взлетали в воздухе и с тихим стуком ударялись об утоптанную до каменной твердости землю, большие уши прижаты к маленькой голове, бока, покрытые пятнистой шкуркой, дрожат. Я невольно прижала руку к груди, моргнула – и лишь тогда правым глазом сквозь ободок кольца увидела мальчишку в растрепанной, нарочито разорванной одежде пугала с яркими заплатками на коленях и локтях. Лицо перемазано грязью, сажей и еще непонятно чем, от слез на щеках блестящие, не успевшие высохнуть дорожки, глаза навывкате, испуганные, ничего не видящие перед собой...

Малыш! Стефан!

Я метнулась к нему, не обращая внимания на то, как ребенок дернулся от звука моего голоса и попытался нырнуть в кусты, но попросту не успел. Мне удалось поймать его поперек живота, прижать к себе – и тотчас по моему колену вскользь, но довольно сильно ударило острое оленьё копытце! Я приглушенно вскрикнула от боли, упала на бок, все еще прижимая к себе отчаянно бьющегося олененка, который все стремился вырваться и потому с невиданной силой молотил в воздухе задними ногами. Руками, пальцами я ощущала не рваные лохмотья ряженого пугала, а мокрую, скользкую от пота звериную шкуру, покрытую короткой шерстью, но правым глазом по-прежнему видела перепуганного насмерть ребенка! Пару раз мне все-таки досталось, хоть и не так «удачно», как в первый, но я все-таки подмывала звереныша под себя, не давая убежать и называя его по имени. Олененок дернулся, цапнул зубами за рукав свиты, и скатившийся вниз по запястью железный браслет легонько стукнул его по носу.

Я почувствовала, как повеяло морозным ветром, ладони на миг онемели, а спустя мгновение я осознала, что прижимаю к себе не белого олененка, а запыхавшегося, затихшего мальчишку в тряпье, который уже не вырывался, а лишь крутил темной кудрявой головой в обе стороны, будто не понимая, где он находится.

Прикосновение холодного железа развеивает чары фэйри.

Мальчик, что же ты им сделал, если тебя превратили в жертвенного оленя для охоты в Самайн?

– Ты кто? – наконец шепотом спросил он у меня, все еще держась грязной ручонкой за мое запястье и за железный браслет.

– Пряха, – тоже шепотом ответила я, приподнимаясь на локте и все еще держа ребенка правой рукой поперек живота на случай, если ему придет в голову попробовать убежать от меня. – Меня твои мама с папой прислали. Дали твою рубашку, чтобы, когда найду, ты мне поверил.

– Покажи? – потребовал он, протягивая руку ладошкой вверх.

Пришлось повозиться, чтобы сначала сесть, ощущая, как прямо-таки воеет от боли стремительно распухающее колено, а потом сунуть руку за пазуху, вытаскивая скомканную рубашонку, украшенную красным вышитым узором. Рубашку я дала мальчику, а сама дотянулась до лежащей рядом дорожной палки, понимая, что с таким коленом еще одной пробежки мне не выдержать. Дохромать бы до Эйра, не знаю пока, как именно – но надо. А там что-нибудь придумаем, у Изы во-от такая аптека, половину кухонного шкафчика занимает, должно же отыскаться что-нибудь подходящее.

– Мама вышивала, – тихо всхлипнул мальчик, прижимая рубашку к груди и глядя на меня широко раскрытыми темными глазами, совсем как у того олененка, которому фэйри, судя по всему, оставили не только человеческий взгляд, но

и разум. — Где мы?

Нечисть. Ненавижу. Что за тварь только додумалась загонять дитя в Самайн, да еще и в зверином облике?!

— Пока далеко от дома, — я чуть ослабила захват. — Во владениях фэйри, но я постараюсь тебя вывести, если ты обещаешь не убегать от меня. Видишь, у меня на руке железный браслет. Я человек, я тебе помогу.

— И меня больше не превратят в оленя? — шепотом произнес мальчик, и я еле слышно скрипнула зубами. Попались бы мне те, кто с ним это сотворил, при свете дня — живыми бы не ушли.

— Не превратят. Даю слово. — Я посмотрела на него, порылась в кармане, вытащила оттуда простое железное колечко с капелькой янтаря и надела его ребенку на большой палец. Сжала его ладонь с кольцом в кулачок. — Теперь точно не превратят, пока на тебе колечко. Не снимай его, пока не вернешься домой, и все будет хорошо.

— Не сниму, — твердо пообещал сын кузнеца, осторожно слезая с меня и все еще держа меня за руку. Я встала следом, опираясь на палку, и вместе мы с ним пошли по дороге в обратном направлении.

Вернее... как пошли — Стефан-то пошел, а я похромала, на каждом шаге припадая на больную ногу. Разбитое колено раздулось, как шар, правая нога почти не сгибалась, но мы все-таки шли. Я простукивала палкой каждое широкое пятно тени перед нами прежде, чем пройти по нему, левой

рукой я крепко-накрепко держала мальчишку за руку, чувствуя, как мокнет и дрожит детская ладошка, как вминается почти до боли железное кольцо в мою кожу.

Стало холодно, потемнело. Неестественно ровная луна то и дело скрывалась за бегущими по небу облаками. Потом запах пряных листьев пропал, сменившись холодным запахом снега и надвигающейся зимы. Мальчишка задрожал, и я торопливо спрятала его под свой плащ, велев держаться обеими руками за мой крепкий ремень, украшенный кольчужными кольцами.

Что-то надвигалось.

Я ощущала это в холодном сгустившемся воздухе, сыром, застоявшемся – как в глубоком подвале или склепе. Ощущала в обрушившейся на нас тишине, в которой был слышен лишь шум крови в ушах и частый, размеренный стук палки о твердую землю, на которую я уже не столько опиралась, сколько прощупывала путь перед собой.

Оно приближалось, и как ни старались мы со Стефаном это обогнать, я уже знала, что мы не успеем. Мальчишка дрожал всем телом, жался к моему боку – но по-прежнему крепко цеплялся руками за мой ремень и не издавал ни звука, хотя наверняка молча давился слезами. Молодец. Настоящий мужчина растет. Я ему это обязательно скажу, когда выберемся. И не только это. Но сначала бы выбраться...

Дорожная палка неожиданно дернулась, я остановилась – а потом торопливо отступила к обочине, едва ли не таща за

собой Стефана, крепко держа его свободной рукой за худенькие плечи и полностью скрывая под полой широкого плаща. Не шевелись только, маленький. Ни звука. Вдруг пронесутся мимо.

Тишину разорвал протяжный высокий звук охотничьего рожка. Я вжалась спиной в могучее, широкоствольное дерево, росшее у самой дороги, прижала к себе мальчишку покрепче и запахнула полы плаща плотнее, отчаянно надеясь, что железная цепочка, вшитая в плащ, станет для нас своеобразным защитным кругом. Ведь сокрыл меня такой круг в Самайн на Алгорском холме, так почему бы не в этот раз? Ну, ведь должно же нам повезти?!

Ветер донес до моего слуха стремительно приближающийся собачий лай, рожок снова заиграл, но иной напев – не долгая нота, а несколько коротких сигналов.

А потом я увидела ее – сияющую холодным лунным светом охоту фэйри. Не Дикую Охоту, что вереницей призраков несется в поднебесье со скоростью могучего северного ветра, нет. Та торжественная процессия, которая предстала моим глазам, была совершенно не похожа на то, что я видела в Алгорских холмах три года назад. Никаких призрачных теней, острых крыльев, режущих воздух, и пронзительных криков – сияющие изумрудно-зеленые шлейфы у прекрасных женщин, восседавших на дымчатых скакунах боком, так, что подолы длинных разноцветных платьев ниспадали почти до самой земли воздушными каскадами из шелка. Короткие ко-

пья у мужчин в серебристых доспехах, длинные ножи у тех, кто носил зеленые и красные камзолы, богато украшенные вышивкой.

Но лица! Глаза!

Чернеющая тьма была в их глазах, она заполняла их от уголка до уголка, и была непроглядной, беззвездной, матовой, бархатистой. Сами Сумерки смотрели из глаз каждого фэйри, вовлеченного в эту процессию, неторопливую, грациозную, и чем ближе она становилась, тем сильнее смерзались в ледяной ком чувства у меня в груди. Я застыла, будто обратившись в каменную статую, укрытую плащом – сквозь кольцо я видела, как тьма из глаз растекается по прекрасным некогда лицам, обращая их в жутковатые призрачные маски – потомки Сумерек, отщепенцы, всеми силами старающиеся укрепиться на этой чужой для них земле, втиснуться в рамки Срединного мира...

Белые собаки добежали до того места, где прятались мы со Стефаном, пробежали вперед десятка два шагов, низко, недовольно заворчали, закричали, сверкая изумрудами глаз и кружась на месте. Потеряли след? Хладное железо нас прячет, но эти собаки чувят подвох, и потому не торопятся бежать дальше, бродят прямо перед нами, не решаясь приблизиться. Чувствуют близость железа, потому и не подходят...

Процессия остановилась, не доехав до дерева, которое уже впивалось в мою спину всеми узлами и неровностями грубой коры так сильно, что наверняка оставляло синяки.

В полном безветрии трепетали узкие красно-зеленые треугольники флагов. Развевались длинные плащи и колыхались свисающие с лошадиных круп дамские шлейфы. Фэйри стояли неподвижно – и при этом были полны движения, будто бы волны на поверхности безбрежного моря. Они были не живы, ни мертвы – они были в пути между своим Холмом и Срединным миром людей. Они вели свою охоту – без положенных правил, без жалости и без шанса для жертвы. Да и жертва была такой, что подумать страшно – невинное человеческое дитя, не успевшее на своем веку запятнать себя ни предательством, ни нарушением клятвы, ни тем более убийством родича. Эта охота не была возмездием, которое направлял беспристрастный, суровый и справедливый судья, это было просто развлечение без смысла и без цели, убийство ради убийства...

И это пугало меня куда больше, чем суд пред лицом Короля Самайна. Там я могла надеяться на справедливость, здесь же – лишь на удачу и собственные силы, которые были уже на исходе.

Серебристое сияние померкло – теперь оно больше напоминало зеленоватую светящуюся дымку, редкий болотный туман, скрывающий мелкие детали и размывающий очертания. Вперед выехал мужчина-фэйри с непокрытой головой и длинными, ниже пояса, прямыми светлыми волосами – в белых одеждах, украшенных серебром и мелкими искрящимися камешками, с ослепительно-прекрасным лицом, чер-

ты которого постоянно менялись, но медленно, будто цветок раскрывает лепестки. Левым глазом я видела его таким, что в другое время и в других обстоятельствах он заставил бы меня задохнуться от восторга, а правым – лишь клубы мягко сияющей дымки на месте лица, сквозь которую отчетливо были видны заполненные тьмой глаза.

Личина, обманка. Как банально.

Но, вынуждена признать, что действительно. Не будь на мне столько хладного железа и вдобавок еще волшебное кольцо, позволявшее видеть сквозь иллюзии... Впрочем, если бы этого всего у меня не было, вряд ли бы я сейчас здесь находилась – так часто они спасали мою непутевую и нескладную жизнь.

– Кто-то забрал нашу добычу!

Могучий, рокочущий голос предводителя фэйри разбил тишину, дробным эхом раскатился между деревьями и был мгновенно подхвачен сотнями шепчущих отголосков – возмущенных, удивленных, яростных, опечаленных, презрительных, недоверчивых... Шептала каждая травинка, каждое дерево, каждая тень и каждое облако на небе. Я застыла, руки мальчишки, мертвой хваткой вцепившиеся в мой пояс, сделались холодными, как лед, а сам он прижался к моему бедру, уткнулся лицом мне в бок и, как мне показалось, дышал вообще через раз. Оторвать его от меня будет очень непросто.

– И этот наглец все еще здесь!

Снова хор голосов, на этот раз уже более отчетливых и громких. В лесу что-то со стоном переломилось, затрещали ветки, поднявшийся ветер взметнул в воздух палую листву, которой оказалось много, очень много. Я будто попала в сухую лиственную метель, только и успела, что придержать полы плаща и опустить голову пониже, чтобы защитить глаза от пыли – но ни единая соринка не коснулась моего лица.

Все потому что листья, гонимые волшебной силой, ударялись о невидимый барьер, созданный железной цепью, прилипали к нему, рисуя контур невидимого купола, в котором я пряталась, и эти проклятые листья меня и выдали! Я подняла голову – и почувствовала, что предводитель процессии фэйри смотрит прямо на меня. Несмотря на глаза, залитые тьмой, я понимала, что он видит меня сквозь эту лиственную круговерть, я чувствовала тяжелый, липкий взгляд, блуждающий по серому плащу, как передвижение огромной гусеницы, которую не получается ни сбросить, ни раздавить.

Тошнота подкатила к горлу, я задышала чаще, стараясь успокоиться, остановить поднимающуюся панику, которая побуждала бросить все – и мальчишку, и все тяжелое, лишнее, что мне могло помешать, и бежать прочь, не разбирая дороги, бежать без оглядки!

Не дождетесь. Это не та охота, которая заставит меня бежать.

– Вот ты где, – неожиданно мягким голосом произнес фэйри, и лиственный вихрь мгновенно унялся, да и зву-

ки, доносившиеся из леса, тоже стихли. Стало теплее, па-
лая листва, засыпавшая дорогу вокруг меня, едва заметно
золотилась и мерцала, словно листья окрасили золотой крас-
кой. – Теперь я тебя вижу и даже чувствую. Только смерт-
ный может принести с собой столько ненавистного нашему
народу металла, и лишь смертные так храбры и глупы, что-
бы встать у нас на дороге. Отдай то, что принадлежит нам
– и сможешь свободно уйти. Соглашайся. Сегодня великая
ночь, и мое предложение крайне щедрое.

Я осторожно, надеясь, что широкий плащ скроет мои дей-
ствия, повесила палку за ременную петлю на пояс и потяну-
ла из ножен дареный нож с чаячими крыльями. Уйти? Да не
смешите! Разве что на тот свет, если очень сильно повезет.
Если бы фэйри мог – он бы уже вступил в бой и отобрал бы
мальчишку силой, но ему почему-то надо, чтобы я отдала его
по доброй воле. Значит, все не так просто, и Самайн наклад-
ывает свои правила не только на Дикую Охоту, но и на вот
эту пышную процессию «малого народца», который тоже ре-
шил своеобразно приобщиться к Дикому Гону, не присягая
на верность королю в железной короне. Как сказал бы дядь-
ка Раферти в своей неповторимой манере – и на ёлку влезть
хотят, и задницу не ободрать.

– Так что же ты молчишь, смертный? – фэйри чуть скло-
нил голову набок, в чернеющей мгле его глаз зажглись два
призрачно-зеленых огня. – Отвечай же, я теряю терпение.
Вернешь ли то, что мое по праву?

В чем-то он прав. Молчать смысла уже нет.

– И по какому же праву? – негромко спросила я, и ветер подхватил мой голос, раздробил, разнес меж деревьев осколками дробного эха, чистого и звонкого, как хрустальные стеклышки.

– Ты женщина, – неожиданно улыбнулся фэйри, и от этой острозубой усмешки, которую я увидела сквозь кольцо, у меня встали волосы дыбом на затылке.

Так улыбаются, когда жертв уже не одна, а целых две, и смаковать смерть каждой можно с отдельным удовольствием. Так улыбались фэйри, когда по приказу Майской Королевы выходили в Бельтайн искать женщин для продолжения рода. И так смотрел на меня нежеланный ухажер, пытавшийся силой увести меня в Холмы перед тем, как появился Валь и весьма недвусмысленно заявил на меня свои права, как на жертву.

Белый конь под предводителем фэйри нетерпеливо переступил с ноги на ногу и сделал шаг вперед, ближе ко мне.

– Ты женщина – но всё же осмелилась прийти. Ты его мать?

Я подумала и отрицательно качнула головой.

– Тогда какое тебе дело, смертная? Как осмелилась ты претендовать на нашу законную добычу в такую ночь? – Ухмылка стала шире, раскалывая прекрасное некогда лицо почти что надвое. – Или не знаешь, что бывает с теми, кто встал на пути Дикой Охоты?

– Отчего же, знаю, – я вскинула голову, глядя в глаза фэйри в белых одеждах и чувствуя, как лунный свет начинает ошупывать мое лицо легчайшими прикосновениями тонких холодных пальцев. – Вот только вы кто угодно, но не Дикая Охота.

На лес упала тишина. Молчаливая, немая, беззвучная и тяжелая, как камень. И в этой тишине особенно хорошо был слышен шорох-скрежет острого лезвия, покидающего ножны. А я смотрела на белое, исказившееся от ярости лицо, которое почти утратило маску привлекательности – и чувствовала, как потусторонний страх испаряется. Попросту исчезает под напором какой-то лихой, горячей и бездумной бесшабашности пополам со злостью за судьбу ребенка, что держался за мой пояс и которому «малый народец» назначил участь бессловесной жертвы для трусливого подражания той Охоте, следовать за которой фэйри побоялись.

– Верни нашу добычу – и смерть твоя будет легкой, – его слова шелестом змеиной чешуи скользнули над палой листвою, а я лишь криво усмехнулась уголком губ, поудобнее устраивая нож в ладони и сильнее наваливаясь спиной на дерево в поисках лучшей опоры на случай, если придется применить оружие. – В эту ночь я решаю, кто будет жертвой и добычей, а кто осмелится помешать – погибнет.

– Отдать ребенка на расправу кучке заигравшихся фэйри? У вас нет права требовать добычу, поскольку Дикая Охота только одна, и ведет ее седовласый король в короне из хлад-

ного железа! В час Быка он выводит свою свиту из расколотого Западного Холма, и они летят по небу под кровавой луной – призраки, сумеречные твари, фэйри, великие воины! Они неустойчивы и их не остановит холодное железо! – Я уже почти кричала – но не могла остановиться, слова будто лились из меня сами – а фэйри невольно отпрянул, будто бы я читала заклинание или призывала силы, которых «малый народец» боялся с начала времен. – И никогда тот, кто в ночь Самайна обладает властью вершить справедливый суд, не укажет в качестве жертвы на невинное человеческое дитя, ибо жертвы Охоты – это клятвопреступники, предатели и убийцы родичей, а сама Охота – лишь справедливое возмездие! Я знаю это, потому что сама была судима этим судом и была приговорена, и после того, как я стояла перед лицом Короля Самайна – ни один фэйри не сможет меня запугать!

Что-то шевельнулось у меня за спиной. Всего лишь за краткое мгновение между двумя ударами сердца я успела осознать, что опираюсь спиной не о шершавую, узловатую древесную кору, а на что-то гладкое, движущееся, живое, и потом сильная рука, закованная в доспехи, обхватила меня за плечи, заставив содрогнуться всем телом.

– Очень правильные слова, *моя жертва*.

Я узнала бы этот приглушенный, рокошующий голос из тысячи.

Валь!

Мне было почти стыдно за то невольное облегчение, кото-

рое я испытала, стоило мне лишь осознать, что Валь оказался рядом. За силу этого облегчения, когда я позволила себе устало опереться на его грудь, потому что еще немного – и здоровую ногу свело бы судорогой от напряжения, а на больную я не могла даже толком опереться без палки, что сейчас висела у меня на поясе. Мгновение, когда он просто придерживал меня надежной, будто бы отлитой из железа рукой, а у меня не было сил, чтобы стоять...

Он наклонился, и я услышала его дыхание совсем близко. – Спрячь нож, смертная. Сегодня он тебе не понадобится.

Я подчинилась – и, кажется, впервые за очень долгий срок сделала это беспрекословно. Нож вернулся в ножны, а палка – в мою ладонь, и лишь когда я обрела надежную опору, Валь отпустил меня и легкой бесплотной тенью выскользнул у меня из-за спины, умудрившись не потревожить ни один сухой лист из тех, что покрывали дорогу неровным шуршащим ковром. Мой преследователь, мой охотник – он будто бы парил над землей, не задевая ее даже краем длинного черного плаща, который раскрывался могучим изрезанным крылом за его спиной при полном безветрии.

И он шел на того, кто осмелился назвать свой выезд Дикой Охотой.

В полной тишине раздался голос Валя – и в его звуках я уловила вой неистового ветра, беспощадного шторма, надвигающегося с первым дыханием зимы со стороны моря. Услышала грохот тяжелых волн, с неистовой силой неустан-

но обрушивающихся на прибрежные скалы, и глухой шорох падающих на землю градин. И голос этот говорил на языке, который я не понимала, но ощущала смысл произнесенных слов всей своей сутью, всей душой, испуганной птицей бьющейся в груди.

Звон скреживающихся мечей, существующий лишь в моем воображении. Звук, с которым острое лезвие раскраивает живую плоть, тихий предсмертный вздох...

Валь предлагает поединок? Но зачем он ему?

Фэйри на белом коне отпрянул, дернул левой рукой за поводья, поднимая завопившего едва ли не человеческим голосом коня на дыбы и вскидывая льдисто блеснувший меч над головой, занося его над мрачной, почти слившейся с тенью фигурой Валя.

Эта картина будто бы каленым железом впечаталась в мою память. Я забыла о том, где я нахожусь, забыла о мальчишке, прижатом к моему боку, забыла о больной ноге. Всеми мыслями, всей своей сутью я потянулась вперед, чтобы задержать падающее стремительным росчерком лунного света лезвие, чтобы не дать ему коснуться живой текучей и изменчивой тени.

Связывающая нас нить натянулась до звона – и дальше я толком не поняла даже, что случилось. Сильный порыв ветра оттолкнул меня назад, к дереву, швырнул пригоршню сухих листьев и пыли прямо мне в глаза, вынуждая отвернуться и спрятать лицо за складками капюшона, а когда он стих – то

оказалось, что поединок закончился, даже не успев толком начаться.

Валь стоял прямо и ровно, опутив длинную, дымящуюся от испаряющейся с холодного железа крови фэйри, саблю острием к земле, разноцветные мерцающие глаза равнодушно смотрели на обезглавленное тело предводителя «малого народца», согнувшееся в седле. Белый конь испуганно всхрапнул, переступил с ноги на ногу и вдруг рывком поднялся на дыбы, стряхивая с себя мертвеца, чья рука все еще судорожно сжимала иззубренный, заржавленный меч, на дорогу прямо под ноги моему преследователю.

Я шумно, с плохо скрываемым облегчением выдохнула, ощущая, как чуть-чуть кружится голова и неторопливо отпускает неприятное, тревожное чувство. Я испугалась за Валь? В самом деле?

Похоже, эта ночь воистину полна неожиданностей.

Сильная рука охотника ухватила коня за болтающуюся уздечку, остановила легко и без видимых усилий. Валь убрал саблю и осторожно, ласково погладил животное по белоснежной шкуре, тихо говоря что-то мягким, перекатывающимся голосом. На обезглавленного соперника, чье тело уже истаивало посреди дороги, расплзаясь клочьями дыма, Валь даже не посмотрел. Как и на застывшую в немом ожидании процессию фэйри.

– Король у Дикой Охоты может быть только один, – негромко произнес Валь, и мне почудилось, будто бы он го-

ворит только со мной. — И в ночь Самайна любой может бросить ему вызов... и забрать его корону в качестве трофея победителю.

Под рукой охотника цвет конской шкуры стал меняться — из белого великолепный скакун превращался в черного как ночь, разукрашенная золотом узда обратилась в самую простую, ремennую с полированными металлическими бляхами. Не изменилось только белое седло, залитое темной, уже успевшей впитаться кровью.

— Видишь ли, Пряха, — Валь чуть повернул голову и на меня глянули мягко мерцающие из тени под капюшоном разноцветные глаза. Левый темный и яркий, как изумруд, а правый пылает аметистовым огнем. Так непривычно, словно Самайн добавил глазам охотника яркости и глубины цвета, стер блеклую пленку, приглушающую их великолепное, драгоценное сияние. Я смотрела в них, будто впервые, и понимала, что они прекрасны. Настолько, что как говорят, ослепнуть после такого зрелища не жалко. Как же так? Неужели раньше я их не видела? Или же просто не замечала, не хотела видеть? — Эта ночь несет испытание нам обоим. Мне предстоит вести это подобие Дикой Охоты по всем правилам, а тебе же надо просто покинуть это место.

Валь огладил по морде вороного коня, чьи глаза мерцали, как раскаленные угли, одним грациозным движением взобрался ему на спину и выпрямился в окропленном кровью седле, глядя на меня сверху вниз. В спину охотнику светила

полная луна, и свет ее, еще недавно яркий и серебристо-белый, постепенно тускнел, становясь каким-то нездоровым, красноватым, пугающим.

— Беда в том, что над ребенком, которого ты прячешь, все еще властен мертвый король, и как только ты сделаешь первый шаг по дороге к Срединному миру, он вступит в свои права и начнется испытание твоего мужества. — Валь чуть-чуть склонил голову набок, все еще глядя на меня, и от этого взгляда мне стало не по себе в ожидании худшего. — Что бы ты ни услышала, что бы ни ощутила по пути отсюда, ты не должна смотреть на то, что прячешь под своим плащом. Помни, что это будет лишь иллюзия, обман твоих чувств — но если ты не выдержишь, если захочешь посмотреть на ребенка до того, как пересечешь колдовскую границу и окажешься в мире людей, то иллюзия станет истиной. Необратимой истиной. Проклятием, которое невозможно снять. — Он тихо усмехнулся и сделал приглашающий жест ладонью. — Подойди ко мне.

Я снова подчинилась, подходя нарочито медленно, припадая на стреляющее болью при каждом шаге колено и едва ли не таща за собой оттаявшего, дрожащего, хнычущего мне в вязаную свиту паренька. Остановилась я, оказавшись рядом с черным конем почти вплотную, обойдя по дороге исходящую туманом лужу, в которой постепенно таяли призрачные зеленоватые кости фэйри. Подняла голову, вглядываясь в лицо, скрытое капюшоном почти до самых губ.

– Хорошо, что ты взяла с собой мой подарок, – тихо про-
рокотал Валь, наклоняясь в седле и прихватывая полы моего
плаща эмалевой красно-зеленой фибулой чуть пониже гру-
ди. Откуда и когда он успел ее выхватить – оставалось загад-
кой. Волшебство, не иначе. В такую-то ночь... – Теперь они
не распахнутся, даже если в лицо тебе будет дуть сильный
ветер. Ты пройдешь и этот путь, Пряха. Ты всегда его про-
ходишь. Еще увидимся.

Сильная бледная ладонь, мерцающая перламутром, на
мгновение сдавила мое плечо, будто бы на прощание, и слег-
ка оттолкнула прочь, как бы намекая «ну же, иди, наконец». Но
стоило мне отвернуться и сделать несколько шагов по уз-
кой лесной дороге, теряющейся в серебристой мгле за стеной
деревьев, как меня окликнул низкий голос охотника. Я оста-
новилась, чувствуя между лопатками его тяжелый взгляд –
будто тоненькую иголку, слегка покалывающую спину.

– И еще, Пряха. – Он выждал короткую паузу, а потом в
его голосе мне почудилась довольная улыбка. – Не оборачи-
вайся.

Эти слова будто бы сорвали полог тишины с замершего в
ожидании колдовского леса, переполненного «малым народ-
цем». Отовсюду послышался шум, гам, треск ветвей, заливи-
стый хохот и звуки шагов. Неожиданно поднявшийся ветер
мягко толкнул меня в спину, взметнул полы плаща, преду-
смотрительно сколотые фибулой, заставил верхушки дере-
вьев зашуметь, застонать – и тогда звуки леса расколол звон-

кий и залиvistый зов охотничьего рога, от которого у меня мороз пробрал по коже, а Стефан вцепился в мою свиту тонкими, но на диво сильными пальцами.

– Идем, малыш, – с усилием проговорила я, стараясь не слушать гомон и хохот за своей спиной, не слушать лай собак, нетерпеливое ржание коней и повторившийся двукратно звук рога. – Идем домой.

Я кое-как доковыляла до поворота дороги, где та превращалась в узкую и неровную лесную тропу, заросшую по краям краснолистным кустарником с длинными, почти с палец, шипами на тонких корявых ветках, и шум охоты у меня за спиной мгновенно стих, будто его отрезало раскаленным добела ножом.

Но в тот же момент я услышала еще кое-что, от чего я мгновенно взмокла под старой залатанной свитой, хотя еще минут пять назад мне в ней казалось почти что зябко.

Я услышала тихий собачий скулеж, раздающийся из-под моего плаща. Что-то царапнуло мой бок, а мгновение спустя мою ладонь, которой я придерживала мальчишку за плечи, легонько сдавили острые, и совсем не человечески треугольные зубы.

С трудом проглоченный испуганный крик стоил мне, наверное, нескольких седых волос, а существо, прячущееся у моего бока, куснуло меня за пальцы еще раз, но уже чувствительнее. Мне пришлось сделать шаг – и тогда зубы опустили мою руку, но все равно кожей я чувствовала частое, горячеч-

ное дыхание, длинную острую морду, опустившуюся на ладонь, шерсть вместо карнавальных лохмотьев мальчика-пугала...

Я не запомнила, как дошла до конца тропы.

Все чувства, все мысли – будто бы ушли, смерзлись в жуткий, не дающий вздохнуть полной грудью ком в горле. Левая ладонь то утопала в густой шерсти, то касалась голой скользкой кожи, то хватала острую, царапающую пальцы чешую. Под моим плащом что-то постоянно шевелилось, меняло форму, то разрастаясь и оттопыривая серую ткань так, что она натягивалась в месте скрепления фибулой, то уменьшаясь настолько, что пальцы висели в пустоте, а нечто цеплялось коготками за мою штанину и оборачивало лодыжку тугим тонким хвостом, чтобы не отстать.

Я думала только о том, как сделать следующий шаг – и ни о чем больше. Я превратилась в опустевшую оболочку, в механическую куклу, способную только равномерно топать по дороге, не отвлекаясь больше ни на что.

Шаг. Перенести вес тела на палку. Подтянуть стреляющую болью, негнущуюся ногу. Сделать еще шаг. Повторить...

И еще раз... и еще...

Перед глазами совсем темно, только узкая тропка еще виднеется впереди.

Кустарник больно хлещет по лицу.

Белый снег. Пустошь.

Всё.

Я пришла в себя, лежа на боку. Вокруг меня юлой вился темноволосый кудрявый паренек в драных лохмотьях поверх темного шерстяного кафтанчика, он что-то кричал, тормозил меня, дергал то за плащ, то за окоченевшие на холоде руки, пытался меня поднять, подтолкнуть – и не замолкал, не замолкал ни на мгновение!

– Не ори так... голова раскалывается, – выдохнула наконец-то я, приподнимаясь на локте и глядя на мальчишку... а потом на небо над его головой – серое предрассветное небо, с которого пушистыми хлопьями сыпался снег. На востоке сквозь облака пробивается светлая полоска.

Утро? Уже... утро?

Сколько же... мы шли? Или это я так долго пролежала на самом краю пустоши?

– Не лежи, пойдем, пойдем! – звонкий голос Стефана вдребезги разбивал тишину нового, только что зародившегося дня, и я поморщилась – голова и в самом деле гудела, и вместо мыслей в ней была какая-то каша, сплошная неразбериха. Ни одной связной мысли... Я даже заклинания ни одного не могла вспомнить или сложить! Пустота, белый шум!

Это ведь пройдет?! Должно пройти!

– Уже... помоги встать.

Подниматься было тяжело, даже очень. Все тело онемело, ушибленное колено не слушалось, а все силы будто бы остались там, в лесу, на колдовской дороге фэйри. И муже-

ство мое осталось там. И к горлу подкатывал даже не страх, а ужас от мысли о том, что моя рубиновая душа-птица тоже осталась там, а в Срединный мир выбралась лишь телесная оболочка. Та, которая сама по себе уже не способна ни радоваться, ни смеяться, ни чаровать, потому как любое чарование – это порыв, стремление в первую очередь души, а не разума.

Мы прошли совсем немного, когда мальчишка радостно закричал, да так, что над заснеженной пустошью пронеслось звонкое эхо, запрыгал, замахал руками, а потом вдруг подскочил ко мне и крепко обнял, да так, что я едва не повалилась в снег вместе с ним.

– Там огни, смотри! Факелы! Это папа, они нас ищут! Э-э-эй!!

И в самом деле – вдалеке, у самого холма, в постепенно светлеющих рассветных сумерках протянулась цепочка оранжево-желтых огоньков, которые становились все ближе и ближе. Стефан скакал вокруг меня, будто бы для него не было ни охоты фэйри, ни бессонной ночи, подталкивал, упрямо тянул за собой, упрашивая, уговаривая – быстрее, быстрее, это за нами, нам помогут, нас отведут домой! И я подчинялась, позволяя ребенку теребить себя и вести через неглубокий еще снег, наметенный за ночь, я шла так быстро, как только позволяло зашибленное колено, шла на золотые огоньки, которые становились все ближе и ближе, превращаясь в фигуры людей с ярко горящими факелами.

– Папа! Папа!!

Одна из фигур отбросила в сторону факел, рывком устремилась к нам – и тогда я признала широкую, ссутулившуюся фигуру кузнеца Найла в широкой теплой куртке и сдвинутой на затылок шапке. Шапку он потерял, когда рванулся к нам через снег, подбежал, ухватил мальчишку, прижал к себе – и неожиданно заплакал, уткнувшись лицом во взъерошенную макушку паренька. Стефан тоже ревел, обнимая отца обеими руками за шею и сбивчиво что-то пытаюсь рассказать, но голос все срывался, заглушенный слезами.

Я же молча стояла и ждала, наблюдая за этой сценой. Просто стояла, не чувствуя ничего, кроме желания лечь и уснуть, да хоть в этот самый снег – не давала лишь пульсирующая теплом палка Раферти, на которую я опиралась.

– Я должен тебе, Пряха, – наконец хрипло выдавил кузнец, поднимаясь с колен и держа мальчишку на руках. – Очень должен. За него. Будет нужда – отплачу.

– Отплатишь, – глухо ответила я, не сводя с него тяжелый, пустой, усталый взгляд и чувствуя, что так оно и будет, непременно. Не сейчас, так потом. – Время еще придет.

Глаза защипало, я поморщилась и стянула с лица будто бы приросшую к нему кожаную ленту с кольцом. Откинула капюшон, позволяя холодному ветру перебирать спутанные волосы. Подняла взгляд на кузнеца, который смотрел на меня с какой-то острой жалостью во взгляде, с непонятным мне чувством вины.

– Что такое?

Он лишь покачал головой и виновато опустил взгляд.

– Седая ты... еще больше, чем раньше.

Я в ответ только горько усмехнулась, пряча ленту с кольцом в пояс. Посмотрела на левую ладонь – на обветренной коже краснел отпечаток тонких, острых зубов. Чуть-чуть не до крови, но метка и без того знатная.

Людей вокруг становилось все больше, они гасили факелы в снегу, радостно гомонили, хлопая друг друга по плечам и поздравляя кузнеца со счастливым обретением сына, а на меня вроде как и не обращали внимания. Смотрели искоса, с беспокойством, с недоверием и почти с испугом, стояли рядом – но близко подходить не торопились.

Кроме одного.

Мелькнул яркий фиолетовый плащ, кто-то растолкал обступивших нас с кузнецом мужчин и крепко-накрепко сжал меня в объятиях. Запахло вереском, я уткнулась лицом в теплую куртку менестреля, под которой часто-часто билось сердце, ощутила его руки, сжавшие меня, услышала встревоженный голос, облегчение, с которым он произнес мое прозвище...

Что-то треснуло у меня в груди, будто бы раскололась ледяная корочка, сковавшая мою птицу-душу, и я разревелась в объятиях Гейла, цепляясь за него так, будто бы он был единственным моим спасением от кошмаров. Я ревела взахлеб, как девчонка, и мне плевать было на удивленные голо-

са, на то, как я выгляжу – я просто позволяла едва не захватившему меня кошмару уйти со слезами, чтобы он никогда больше не возвращался.

Гейл долго держал меня, закрывая собой от холодного ветра пустоши. Он терпеливо ждал, пока поток слез не иссякнет, глядя меня по голове и что-то тихонько напевая, нашептывая, наговаривая. Что-то неразборчивое, непонятное – но от самого звука его голоса отступали черные тени в моей душе, бледнели воспоминания о прошедшем Самайне, а дорога обратно в Срединный мир и вовсе плавно, очень мягко вымывалась из памяти, как рисунок на песке, который стирали набегающие волны.

А когда я выдохлась и слезы закончились, он плотнее завернул меня в плащ, взял на руки и неторопливо понес в сторону Эйра.

Я засыпала на его руках, чувствуя себя бесконечно уставшей, опустошенной – но легкой, очищенной изнутри. Будто бы утешение и поддержка, которые так неожиданно подарил мне менестрель, оказались именно тем лекарством, которое мне было так необходимо после ночи Самайна. И уже на грани сна и яви всплыла неожиданная мысль – а ведь это мне уже знакомо... только вот откуда?

Вопрос растаял раньше, чем я успела придумать на него ответ, а потом я уже спала.

Без снов, как и хотела.

Глава 2

Зима пришла в Эйр почти сразу после Самайна. Будто огромная белая кошка, неслышно прокралась она в город, принеся с собой ледяной северный ветер с далеких гор и снеговые тучи, и когда я проснулась в домике Изы, куда на рассвете после Дня Всех Святых отнес меня Гейл, за окном наступила самая настоящая зима. Я спала почти сутки, а когда открыла глаза, то первое, что я ощутила – боль в колене и ломоту во всем теле. Правая нога казалась онемевшей и будто бы чужой, но стоило попытаться повернуться на бок, как колено стрельнуло болью, да так сильно и неожиданно, что я невольно охнула и поторопилась перевернуться на порядком отлежанную спину.

Иза сидела рядом с моей постелью, и в гибких, как у молодой женщины, пальцах так и мелькали длинные костяные спицы, постепенно превращая тугую темно-серую шерстяную нитку в теплый носок. Когда я открыла глаза, она подняла взгляд от вязания, неторопливо отложила его в сторону и взяла меня за руку...

Мы говорили долго. Иза была из Одинокой Башни, но покинула ее так давно, что было уже и не вспомнить. Мастер Даэр навсегда остался для нее долговязым, нескладным юношей с большими руками и сбивчивым тихим голосом, а сама

Башня – чем-то из прошлой жизни, полустертым воспоминанием, почти забытым сном, которого не было. Старая цветочница оказалась из тех людей, кому было проще раз и навсегда позабыть о своем даре, чем обучать ему других или же пойти на службу в Вортигернский Орден. Ведь быть свободным чародеем в Срединном мире среди людей – все равно, что нести зажженную свечу через пустошь, пронизываемую семью ветрами, оберегая хрупкое и трепещущее пламя своего волшебства не только от ветра, но и от чужих глаз. Потому она и ушла на север, в далекий город Эйр, похоронила в себе стремление творить колдовство и стала тем, кем всегда хотела быть – обычным человеком. Женой, позже – матерью единственной дочери, которая несколько лет назад покинула суровые края и уплыла вместе со своим нареченным по «седой» реке на юг, к более яркой и насыщенной жизни. А когда ушел из жизни тот единственный и любимый, с которым Иза разделила столько счастливых, горьких, бесконечно долгих и очень коротких лет, что-то в ней переломилось и срослось заново. Не осела еще земля на невысоком могильном холмике, как Иза ощутила в себе острую потребность к колдовству, будто бы оно могло заполнить собой ту пустоту, ту брешь, которая случилась в ее душе со смертью мужа.

Так и не заполнило – но слегка облегчило горечь и остроту утраты...

Выздоровливала я не так быстро, как хотелось, но удержать меня в постели дольше двух дней Иза попросту не су-

мела. И когда на третий день к нам пришел менестрель, держа в руках корзину с домашней снедью от жены кузнеца, то был весьма удивлен тому, как бодро я скакала по дому, опираясь на палку Раферти и постоянно поджимая больную ногу. К счастью, Гейл не стал строить из себя «заботливую мамочку» и давать умные советы, сводящиеся к постельному режиму, но сдержанно заметил, что беспокоиться обо мне, судя по всему, уже не стоит.

Середина ноября выдалась на редкость студеной и сырой, и недавняя оттепель, растопившая красивое снежное покрытие в грязную кашу, сменилась резким похолоданием, превратившим наклонные улицы в веселый каток. По утрам дворники неустанно скалывали лед на самых больших и широких улицах, засыпали песком торговые площади, а жители приводили в порядок лестницы и дворики, но все равно этих усилий было недостаточно. Тем более для меня, лишь недавно начавшей передвигаться без палки хотя бы по дому.

Тем не менее, Гейл, повадившийся заходить в гости едва ли не каждые два дня, выполняя мелкие поручения и принося продукты из ближайших лавок, настаивал на том, что гулять мне необходимо, если я хочу, чтобы колено побыстрее зажило. Я крутила пальцем у виска и кивала за окно, где слышался бодрый стук ломов, скалывающих ледяную корку с камней мостовой, но переспорить менестреля в некоторых случаях было попросту невозможно. Поэтому спустя две недели после ночи Самайна, когда опухоль от удара оконча-

тельно спала, а синяк из лилового стал веселенького зелено-го цвета, скрипач повадился каждый день вытаскивать меня на прогулку. Для начала с палкой, позволяя мне цепляться за его локоть и придерживая во время спуска по лестницам, ведущим с одного уровня Эйра на другой, потом – просто идя рядом, но так, что в любой момент быть готовым подхватить меня, если я вдруг вздумаю оступиться.

Как ни странно, Гейл оказался прав. Ноге и в самом деле стало лучше, и спустя еще неделю я уже могла ходить без опоры, таская палку Раферти с собой скорее в силу привычки, чем по острой необходимости. И каждый раз наши прогулки начинались все раньше, потому как день понемногу сокращался, и вечером становилось как-то уж совсем зябко, несмотря на теплую зимнюю свиту и узорчатые рукавицы. Менестрелю же, как мне казалось, на холод было наплевать – он как ходил осенью в своем неизменном фиолетовом плаще с глубоким капюшоном, так и оставался в нем в начале зимы, набрасывая его перед выходом из помещения поверх теплой куртки. Перчатки он тоже игнорировал, но при этом руки у него оставались теплыми, едва ли не горячими даже после часовой прогулки по морозцу.

К концу ноября снова пошел снег, стало еще холоднее, но Гейл по-прежнему ежедневно навещал меня в домик цветочницы и звал меня с собой. Мы шли рядом – чаще молча, иногда разговаривая о каких-то незначительных повседневных вещах, но почему-то ни разу так и не коснулись темы про-

шедшего Самайна. Гейл так и не спросил меня, как я оказалась там, в пустоши, в компании с пропавшим ребенком, где мы пробыли всю ночь и почему, когда он меня нашел, седых прядей в моих волосах стало куда как больше. Он вообще ничего не спрашивал про ту ночь, хотя Иза и утверждала, что когда Гейл принес меня к ней домой наутро, то долго отказывался уходить, пока не убедился, что я в надежных руках, обмазана целебными снадобьями, тепло укутана и спокойно отдыхаю, не пытаюсь кричать во сне от подбирающихся кошмаров.

А мне было просто неловко от того, как я разревелась у него в руках, стоило только осознать, что все страшное в этот раз благополучно осталось позади.

Снова.

Я скосила взгляд на скрипача – он глубоко надвинул капюшон, на фиолетовую ткань которого неслышно опускались снежные пушинки. С каждым вздохом с бледных губ срывалось белесое облачко, плечи слегка опущены, будто бы прижатые невидимой тяжестью, но двигался Гейл легко и свободно, несмотря на тяжелую зимнюю куртку, подбитую мехом. Я же во всех своих теплых одежках ощущала себя неуклюжей, как раскормленная к Йолю утка, да еще и переваливалась с ноги на ногу на особо скользких участках мостовой точно так же.

Эх, хорошо ж ему, а...

– Гейл, – я все-таки осмелилась нарушить ленивую тиши-

ну медленно угасающего зимнего дня. – А я ведь тебя так и не поблагодарила.

– За что? – спросил он, замедляя шаг и ловко отдергивая меня в сторону от неожиданно вывернувшего из-за поворота припозднившегося торговца с накрытой рогожей тележкой. – На моей памяти ты за помощь благодарить не забывала.

– Ты меня вынес с той пустоши наутро после Самайна, – я опустила взгляд, чувствуя, как ладонь скрипача отпускает мой локоть, за который он ухватил, чтобы убрать меня подальше от катящейся тележки. – Больше бы никто не решился мне помочь, а сама я вряд ли доковыляла.

– Я сделал это не ради благодарности, – скрипач пожал плечами и чуть повернул голову, хмуро глядя на меня из-под припорошенного снегом капюшона плаща. – И, как мне кажется, я должен был это сделать.

– Не должен, – я качнула головой, отводя взгляд и глядя на утоптаный серый снег у себя под ногами. – Только если ты не рвешься спасти каждую дурную на голову девушку, которой не хватило здравого смысла, чтобы остаться дома в такую ночь.

– Ты, все-таки не каждая девушка. И дело было не в здравом смысле. Ты поступила так, как должна ты, я – как должен был поступить я.

Гейл отвернулся и чуть ускорил шаг, а я просто замолчала, понимая, что разговор ни к чему не приведет и вооб-

ще, похоже, зря подняла эту тему в принципе. Улица закончилась, мы неспешно пересекли площадь и уже собирались повернуть обратно к дому цветочницы, как я ощутила резкий укол в спину точно между лопатками. Ахнула, неловко взмахнула руками, роняя палку, и согнулась в поясе, едва не упав лицом в снег. От падения меня спасла рука менестреля, подхватившая поперек тела и удержавшая на весу, пока я находила точку опоры на мгновенно ослабевших ногах.

– Ты в порядке? – спросил он, осторожно помогая мне восстановить равновесие и разворачивая лицом к себе. В светло-серых глазах застыло странное, непонятное выражение – не совсем обеспокоенность, что-то другое. Да и сами глаза у него показались мне чужими – холодными, застывшими ледяной коркой с черной бездонной полыньей зрачков. – Что с тобой?

Я не ответила, молча отстранила его и неторопливо повернулась лицом к площади, чувствуя где-то там, в другом конце ее человека, что метнул мне в спину колдовскую «шпильку» – безвредное по сути заклинание, призванное скорее привлечь внимание, чем навредить. Вот только сила этого «привлечения внимания» свидетельствовала о весьма немаленькой силе чародея.

Плохо дело.

– Гейл, тебе лучше уйти, – тихо произнесла я, снимая варежки и небрежно бросая их в снег, не обращая внимания на удивленные взгляды парочки редких прохожих, под вечер

торопившихся домой. Шапку я тоже сняла, как и плащ, кидая их туда же, куда и варежки. Привычно перебрала пальцами на холоде, ощущая зазвеневшую меж ними магию, как натянувшуюся струну.

Неужели на том, последнем корабле, прибывшем из далекого Вортигерна, был человек, обремененный Условиями и ищущий подобных себе, но свободных еще от Ордена и служения Одинокой Башне чародеев? Стоит узнать, пока солнце не скрылось за горизонтом и я способна дать отпор, но судя по приветственной «шпильке» – мирного разговора может и не получиться.

– Что случилось? – упрямо повторил Гейл, сложив руки на груди. – Я не оставлю тебя, не бойся.

Я тихонько, очень горько усмехнулась, взмахивая ладонью и отражая следующую невидимую «шпильку», которую успела почувствовать.

– Скорее я боюсь за тебя, – я расправила плечи и вскинула подбородок, вглядываясь в закутанную в черный плащ до пола фигуру, возникшую на противоположном конце площади. – Там чародей. И довольно сильный. Помнишь, я когда-то рассказывала, что не бывает свободных волшебников – лишь те, кто служат Башне, служит Ордену и те, кого пока еще не поймали. Судя по всему, меня сейчас пробуют изловить. Поэтому держись подальше от меня, мне не хочется тебя зацепить.

– Только от тебя? – уточнил Гейл, отходя на пару шагов

в сторону, сжимая кулаки и сверля взглядом неподвижную фигуру в черном, вокруг которой поднимался клубящийся белесый туман.

— А от него — еще дальше, — вздохнула я. — Если хотя бы половина того, что я слышала о вортигенских чародеях — правда, то он не пощадит нас обоих. Не лезь, Гейл — и сможешь дописать свою балладу до конца.

Снег тихо поскрипывал под ногами при каждом шаге, пока я шла через площадь с непокрытой головой, ощущая легкие морозные укусы на щеках и кончиках ушей. С еле слышным звоном сплеталась вокруг меня колдовская защитная сеть, ячейки которой цепляли на свои невидимые узелки крохотные снежинки, сила стягивалась к кончикам пальцев, готовясь дать отпор новому заклинанию, но когда я подошла ближе, чародей поднял руки и вместо того, чтобы ударить — откинул капюшон плаща.

От неожиданности я споткнулась, нарушив концентрацию, защитная сеть, обернувшая меня тугим коконом, неожиданно ослабла и провисла.

Потому что я знала этого чародея, знала узкое худое лицо с пронзительными зелеными глазами и глубоким, так и не исчезнувшим шрамом на лбу, практически скрытым под темными волосами. Но думала, что он уйдет из моей жизни после того, как его голову чуть не раздавил охотник Валь перед воротами монастыря, в котором я пряталась...

— Грач, — еле слышно выдавила я, опуская руки и расте-

рянно глядя в лицо чародея-полукровки, с которым прожила под одной крышей несколько лет.

Лучший волшебник в нашем поколении, самый талантливый и способный, Грач отличался молчаливым и нелюдимым нравом, но при этом никому и никогда не отказал в помощи. Ни ребенку из новеньких, только-только постигавшему свои Условия, ни сверстнику, безуспешно бьющемуся с очередной формулой зелья. Никому.

В том числе и мне.

Я помнила, каким он был всего три года назад – стоящий у подножия горящей Одинокой Башни, когда одна лишь его сила душила неистовое пламя, рвущееся из окон и распахнутого дверного проема, когда он вывел детей наружу из зарождающегося пожара, созданного обезумевшей Наперстянкой. Как он выкладывал всего себя, отдавал все, что было, по капле выдавливая, выжигая в себе человеческую душу-птицу – только чтобы сохранить наш общий дом, нашу Одинокую Башню...

– Здравствуй, Арайя, – негромко ответил он и шагнул мне навстречу, держа перед собой раскрытые ладони. – Я не думал, что это будешь ты.

– Грач, – я подошла ближе, глядя в его еще больше осунувшееся лицо. Кровь фэйри стала видна в нем гораздо сильнее, чем раньше, и если во время обучения в Одинокой Башне я и не подозревала, что он – полукровка, и потому не обременен Условиями, как остальные, то сейчас его наследие было

заметно невооруженным глазом. — Ты сильно изменился.

— Ты тоже, — он чуточку печально улыбнулся, и я поняла, что зубы у него тоже изменились, стали мельче и острее. — Я знал, что в Эйре скрывается неотмеченный чародей, но понятия не имел, что это ты.

Тихий, болезненный вздох, коротко стриженная голова Грача опустилась, плечи напряглись. Он протянул руку — и я почувствовала призрачное, едва осязаемое касание теплой магии на своей щеке.

— Мне так жаль, что это именно ты, Арайя. Не представляешь, насколько жаль. — Полоса тепла растаяла, а Грач вскинул голову, глядя на меня застывшими, будто зеленое стекло, глазами. — Но у меня есть приказ, которого я не могу послушаться. Поэтому я спрашиваю тебя, Арайя из Одинокой Башни. Пойдешь ли ты по доброй воле на верную службу в Орден города Вортигерна?

Я отшатнулась, едва не поскользнувшись на тонкой ледяной корочке, оказавшейся под ногой, замотала головой, отказываясь верить услышанному.

— Мне еще четыре года осталось, ты ведь знаешь это. Я не могу пока...

Холодная усмешка, растянувшая узкие губы, сделала моего друга детства совершенно неузнаваемым.

— У меня есть приказ. И поверь моему опыту — лучше соглашайся сразу. Гораздо удобнее носить метку Ордена на воротнике рубашки, чем на теле. — Грач повернул голову и

слегка оттянул тугой ворот куртки, чтобы продемонстрировать краешек алой воспаленной кожи и малиновый рубец, похожий на верхушку рукояти меча. — Они ставят клеймо несогласным каленым железом и у таких полукровок, как я, оно так и не заживает полностью. Ты человек, поэтому у тебя, возможно, заживет, но хочешь ли ты до конца дней своих носить на своей нежной шейке рабскую метку? Ведь придется выполнять приказы не только во благо Вортигерна, но и прихоти свободных волшебников, которые не всегда бывают приятными и целомудренными.

Краем глаза я заметила, что Гейл неторопливо обходит площадь по кругу, оказываясь по правую руку от меня, держа руки слегка заведенными за спину, и тогда Грач еле слышно вздохнул и покачал головой.

— Твоему другу не стоило вмешиваться.

Я не успела ничего предпринять — лишь увидела, как глаза полукровки полыхнули кошачьей зеленью, и менестреля рывком подбросило в воздух на два человеческих роста, крутануло и с силой ударило о снег, оставив Гейла лежать неподвижно в неестественной, распластанной и какой-то изломанной позе.

У меня не было времени, чтобы что-то ощутить внутри, кроме разом образовавшейся холодной пустоты, из которой мгновенно выплеснулось заклинание «паутины», накрывшее нас с Грачом незримым куполом, опутавшее фэйри-полукровку тонкими прозрачными нитями. Нет больше прошло-

го, нет моего друга, который из последних сил гасил ревущее пламя, бушующее в Одинокой Башне. О том, остался ли еще скрипач на этом свете, я старалась даже не думать. Это все – потом, если только это «потом» для меня состоится.

Потому что здесь и сейчас, в стылой сумрачной мгле, пронизанной тончайшими серебристыми нитями моего колдовства, осталась только я и фэйри-полукровка, глядящий на меня зелеными кошачьими глазами с узкого исхудавшего лица.

Динь!

Как капля воды, упавшая с сосульки, тонкий хрустальный звук, вызывавший мгновенную дрожь во всем теле. Я выставила перед собой «зеркало» за мгновение до того, как Грач сложил пальцы щепотью и сбросил в мою сторону первое, пробное заклинание. В Башне мы его называли «перышко» – потому как оно могло лишь «пощекотать», легонько зацепить противника. А еще – позволить измерить его силу и высоту пика Условий.

—

Прячешься, – усмехнулся Грач, делая неуловимо быстрое движение рукой и оборачивая себя мерцающим коконом. – Но ты определенно многому научилась с той ночи, когда бросила меня умирать за монастырским забором.

Дзинь!

В сторону! Назад!

Я едва успела отскочить от взорвавшейся у меня под нога-

ми мостовой. Комья слежавшегося снега вперемишку с мелкими камушками от раздробленных булыжников окатили меня щедрой волной, а «паутина» снова предупреждающе звенела, и не отдельными аккордами – а гулким, слитным, пугающим до дрожи ансамблем. Уже не увернуться – только защищаться и при первой же возможности напасть и ударить наверняка, поскольку второй попытки мне уже может не представиться.

Взмах рукой, наспех выписанные в воздухе символы – я едва успеваю скрыться за защитным пологом, как его пререзает новое, бритвенной остроты заклинание, промахнувшееся всего на волосок, и сразу следом за ним Грач отправил еще одно. Оно толкнулось в матово светящийся «полог», прогнуло его под напором чудовищной силы – и разодрало в клочья, развеиваясь и выпуская из себя скрытое заклинание, которое оказалось вложенным в колдовской таран, как клинок в ножны.

Меня ударило в правое плечо, крутануло и подбросило в воздух. Мгновение полета – и я больно шлепнулась на спину, пропахав собой неглубокую борозду в утоптанном снегу, который мгновенно набился мне за шиворот.

Странное дело, но полукровка дал мне небольшую передышку. Я слышала, как тихонько перезванивают тонкими голосами бубенчики – это Грач неторопливо подходил ко мне, и с каждым шагом от него расходилась колдовская сила, будто круги на воде. Правая рука у меня онемела и отнялась от

самого плеча и до кончиков пальцев – когда я, преодолевая непривычную, тошнотворную слабость, все-таки села, рука висела тяжелой, неподъемной плетью, над которой я была не властна.

Грач остановился в нескольких шагах от меня, вздернувшиеся уголки губ наметили жутковатую улыбку, больше похожую на оскал Сумерек.

– Я же говорил – лучше бы тебе пойти служить в Орден по доброй воле.

Под пальцами левой руки я ощутила обтянутую кожей короткую рукоять моего ножа, полностью скрывшегося от глаз в разворошенном снегу – и как он только там очутился, неужели выскользнул из ножен, пока меня крутило в воздухе? Навряд ли. Но на то «Не Знающий Преграды» и волшебное оружие, чтобы в нужный момент оказываться под рукой.

– Я никому служить по принуждению не буду, – тихо ответила я, чувствуя, как от холода начинают болеть пальцы, сомкнувшиеся на рукояти ножа.

– Будешь, – негромко и как-то сочувственно отозвался Грач, поднимая руку и легонько касаясь метки на шее, виднеющейся в расстегнувшемся вороте черной рубашки. – Еще как будешь. Я тоже поначалу думал, что никому против воли служить не стану, но, как видишь, служу. Чародеи из Вортигерна весьма искусны в навыке убеждения. Но я думаю, ты с ними общий язык так или иначе найдешь – ведь ты сама не слишком от них отличаешься.

Я удивленно моргнула, а Грач неожиданно рассмеялся – резким, неприятным, шипящим смехом.

– Ох, Арайя, да ты такая же наивная, как много лет назад. Вспомни, почему ты убежала из Башни незадолго до того, как она загорелась. Вспомни, от чего ты бежишь сейчас. Не от ярости ли фэйри, которого попыталась насильно заставить служить себе? – Он по-птичьи склонил голову набок, явно довольный моим замешательством. – Я вижу в этом некую справедливость. Тебя тоже посадят на невидимую цепь, и ты узнаешь, каково это – служить тем, кого презираешь.

Из туманной пустоты, которая накрыла собой окружающий мир на время действия заклинания «паутины», неожиданно вылетел тонкий серебристый блик, с еле слышным шелестом взрезавший воздух и оставивший яркий кровавый росчерк на вытянутой в мою сторону ладони Грача. Чародей отдернулся, стремительно развернулся, сбрасывая с левой руки хвостатую искру – и мгновенно получил второй нож чуть ниже ключицы.

«Паутина» зазвенела причудливым, льдистым аккордом, когда в нее вторгся кто-то третий, умудрившись задеть прозрачные колдовские нити – но не запутаться в них, как Грач. Замелькали серебристые сполохи, чертящие причудливые восьмерки и дуги, за которыми я не была способна уследить даже взглядом, и я поняла, что впервые на своей памяти вижу, как сражается Гейл. Вижу, как вообще кто-то сражается

за меня, не отступая перед превосходящим по силе противником...

Глухо, басовито загудела колдовская струна, я едва не задохнулась от осознания, от предчувствия того, что вот-вот неизбежно случится – но Гейл словно чуял то же самое, что чуяла я, безо всякой «паутины». Он успел повернуть лезвие короткого меча плашмя, как щит, и смертоносное заклинание, способное раздавить у человека сердце прямо в груди, разбилось о холодное железо и рассыпалось блескучими осколками, стремительно тающими в воздухе.

– Грач, не смей!

Рывок вперед – не телом, а всей волей.

Невидимая рука с силой ударила чародея под локоть и заклинание, направленное в лицо скрипачу, ушло высоко вверх, пройдя мимо цели. Менестрель успел отшатнуться назад, запоздало скрешивая перед собой клинки, а Грач повернул ко мне узкое, холодное лицо, будто бы раскроенное надвое жуткой ухмылкой фэйри.

– Неужели ты не просто угадываешь, что я хочу сделать? Если ты и в самом деле читаешь чужую магию, то ты прямо-таки находка для Ордена.

Следующий удар Гейла налетел на невидимую преграду, один из мечей задрожал и неожиданно вывернулся из ослабевших пальцев скрипача, а Грач даже не моргнул, сверля меня чистым, прозрачно-зеленым и совершенно чужим взглядом.

– Не магию, – выдохнула я, с трудом садясь в снег и стискивая замершие пальцы левой руки на рукояти дареного ножа с чайчьиими крыльями вместо гарды. – Я читаю твою суть фэйри. Она выдает тебя, выдает с потрохами каждую твою мысль и движение. И чем меньше в тебе от человека, тем легче мне тебя читать.

– Разве? Проверим, Арайя?

Я едва успела. Из последних сил дотянулась, перехватывая и удерживая тонкую нить магии, которая неожиданно выдернула из груди Грача глубоко застрявший там метательный нож и ткнула было им в лицо менестреля.

Острие замерло на расстоянии пальца от глаза музыканта, нож повисел мгновение в воздухе и бессильно упал в снег.

А в следующее мгновение я подбросила свое оружие в воздух, перехватила его – не рукой, а взглядом, чувствуя, как последние остатки силы вытекают из меня, тянутся прочь в сторону заката тоненькой струйкой – и метнула в Грача.

Оружие, не знающее преграды, подаренное мне в ночь Самайна – оно послушно устремилось к цели, когда на пути смертоносного острия неожиданно оказалась грудь менестреля, которого чародей успел ухватить за плечо и с нечеловеческой скоростью подтянуть в себе, выставив перед собой живым щитом.

Мне не хватало времени – но я не успела этого осознать, потому что одна-единственная секунда, что разделяла волшебный нож и человека, которого я не могла и не хотела те-

рять, это мгновение неожиданно растянулось, раздвинулось из крохотной щелочки до широченного коридора. И оказавшись в этом коридоре, душа моя взметнулась в нестигаемом, нерушимом протесте, который не успел оформиться ни мыслью, ни словом. Только безотчетный порыв, дотянувшийся до искрящегося лезвия...

Время вновь сузилось до сверкающей точки в пространстве...

Дареный нож мигнул, став прозрачным – и беспрепятственно прошел сквозь грудь музыканта, скрывшись в ней полностью. Я застыла в ужасе, в предчувствии неизбежного, непоправимого – и тогда Грач пошатнулся и с тихим хрипом осел на снег, из последних сил пытаясь удержаться ослабевшей рукой за плечо менестреля. Невредимый Гейл вздрогнул, сделал неуверенный шаг в сторону, глядя на меня широко распахнутыми глазами, а я наконец-то смогла увидеть лежащего навзничь на заснеженной мостовой чародея, из груди которого торчала рукоять моего ножа.

– Грач, – горько прошептала я, с трудом поднимаясь на ноги и подходя к поверженному фэйри-полукровке, который из последних сил цеплялся за жизнь, скреб длинными тонкими пальцами по груди, то и дело натыкаясь ими на нож с чаячьими крыльями, погружившийся в тело на всю длину лезвия.

Помутневший от боли взгляд зеленых глаз остановился на мне – и впервые с момента нашей сегодняшней встречи он

показался мне таким же, каким был много лет назад в Одинокой Башне.

– Ты молодец, – натужно прохрипел он, и я не удержалась, с трудом опустилась, почти упала на колени рядом с распростертым на снегу чародеем.

На губах у него пузырилась кровавая пена, темно-красная, как ягоды остролиста, капельки уже измарали щеку, но у меня не было сил, чтобы их стереть. Грач с трудом поднял руку, тонкие пальцы схватили меня за правый локоть – и до самого плеча онемелую, нечувствительную руку пронзило острой пылающей болью от снятия парализующего заклятия. Я с шумом втянула морозный воздух, сцепила зубы, ожидая, пока не утихнет жгучая волна тепла, плещущаяся от плеча и до кончиков пальцев – а Грач все не сводил с меня цепкого, пронзительного взгляда, поразительно ясного, просветлевшего. И совсем не похожего на тот остекленевший, чужой и отрешенный взгляд, каким на меня смотрел полукровка всего несколько минут назад.

– Так будет лучше, – тихо выдохнул чародей, тяжело роняя руку обратно на грудь, совсем рядом с рукоятью ножа, которую я никак не решалась даже тронуть. – Не попадайся им. Они будут искать, когда я не вернусь. Но если вдруг попадешься... лучше согласишься. Слуга... может рано или поздно сбежать в Башню... А рабу бежать некуда.

Его тело вдруг выгнулось дугой, изо рта полилась кровь – тонкой бордовой струйкой, стекающей на утоптанный снег.

Я охнула, ухватила его за плечи, стремясь не то удержать на краю неизбежного, не то помочь, пусть даже наперед зная, что помочь уже ничем нельзя – а он неожиданно вцепился в меня, зеленые глаза с узкими зрачками-точечками вдруг оказались напротив моих.

От Грача невыносимо остро пахло кровью и близкой смертью. Так остро, что меня замутило, а на корне языка появился хорошо ощутимый металлический привкус.

– *Он* тебя не простит! Никогда, слышишь! Фэйри не прощают рабских оков!

Я вздрогнула, а Грач уже смотрел куда-то поверх моего плеча, и увиденное заставило его лица исказиться гримасой ужаса. Поневоле я обернулась – но за моей спиной стоял лишь растрепанный, тяжело дышащий менестрель, все еще держащий короткий тонкий меч в опущенной правой руке. К высокому бледному лбу, покрытому испариной, прилипла черная прядка волос, с губ срывались клубы пара, воротник куртки надорван, а на подбородке наливалась багрянцем широкая ссадина.

Не тот вид, чтобы напугать волшебника, уже стоящего на пороге смерти.

– Ему уже не помочь, – негромко произнес Гейл, и я, повернувшись к своему бывшему другу, с неожиданной горечью осознала правоту этих слов.

Взгляд зеленых глаз уже замер, голова запрокинулась, а руки бессильно соскользнули по моим плечам. Еще мгнове-

ние Грач сидел ровно и прямо, а потом каким-то жутковатым, бескостным движением повалился набок, пятная снег кровью, льющейся изо рта и из-под рукояти ножа. Я протянула руку, толком не соображая, что делаю, и осторожно потянула нож на себя. Острое лезвие легко выскользнуло из тела и в мягко сгущающихся сумерках оно казалось черным от кончика и до самой рукояти...

Вот и все.

На плечо тяжело опустилась чья-то ладонь, а мгновение спустя скрипач присел рядом со мной на корточки, еще держа в руке меч с чистым, ничем не испачканным лезвием.

– Он был фэйри? Полукровкой, ведь так?

Я протестуяще замотала головой, чувствуя, как оглушающая, ошеломляющая пустота внутри меня рассеивается, а ее место занимает что-то болезненное, жгущее, что-то такое, что я пока никак не могла осознать или определить. Горло сдавило спазмом, и я судорожно всхлипнула, роняя окровавленный нож в снег рядом с остывающим телом Грача.

– Для меня... он всегда был человеком...

...Маленькая перьевая подушка, едва приподнявшись над кроватью, с тихим шлепком упала обратно на пестрое лоскутное покрывало. Я шмыгнула носом, уже готовая разрешиться от бессилия – ну почему, почему у остальных детей, даже у тех, что помладше, все эти подушки, рукавицы и набитые тряпками мячики уже летают по всему залу, а у ме-

ня не удастся поднять взглядом ничего, кроме перышка! Может быть, дядька Раферти ошибся, что привел меня сюда? Может, никакая я и не волшебница? Откуда это знать бродяге? Да даже тот высокий человек в длинной цветной рубашке, который открыл мне дверь, ему откуда было знать, что у меня есть какие-то там условия? Он ведь только в глаза мне посмотрел и ничего больше!

Я всхлинула и со злости ударила не желающую летать подушку кулаком в самую серединку. А потом еще раз. И еще. И с каждым ударом я редела все громче, а слезы лились все горше.

Ну какая из меня чародейка?! Только двор и лестницы подметать гожусь!

Через мгновение порядком избитая подушка полетела в сторону двери, но вместо тихого шлепка я услышала громкий возмущенный голос. Я обернулась – на пороге стоял долговязый тощий парень с коротко стриженными темными волосами и держался за краснеющий прямо на глазах нос.

– Метко бросаешь, малявка, – недовольно прогудел он, осторожно ощупывая кончик носа. Глаза у парня были зеленые-зеленые, как весенняя трава, и прозрачные, как вода в ручье. – Ты чего тут сопли распустила, даже из коридора слышно? Просто так бесишься или по делу?

– А тебе-то что? – недобро пробурчала я, вытирая слезы рукавом и так не очень чистой рубашки и отворачиваясь. – Иди, куда шел.

— Да меня, вообще-то, за тобой и послали. — Парень прошелся по комнате, оглядываясь по сторонам. — Занятие уже давно началось, все новое поколение там, а ты прогуливаешь.

— Я не прогуливаю, — неожиданно обиделась я, поджимая нижнюю губу. — Я туда не пойду. У меня все равно ничего не получается. Я не волшебница.

— Да ладно? — Он вроде как удивился и подошел ближе. — Можно, я сяду рядом?

Я подумала — и кивнула. Пускай сидит, вдвоем было уже как-то не так тоскливо и уныло пропускать бесполезные занятия. Кровать чуть скрипнула, когда парень уселся рядом и задумчиво посмотрел на меня.

— А ну, протяни руки, — неожиданно скомандовал он, и я от удивления подчинилась, показывая ладошки, будто демонстрируя их чистоту перед обедом. Рукава чужой тесноватой рубашки задрались и браслет, который подарил мне дядька Раферти перед расставанием, скатился к запястью, едва удерживаясь на руке.

— Ага, так вот в чем дело! — радостно улыбнулся гость, блеснув мелкими белыми зубами и указывая на браслет. — Ты же холодное железо носишь, а оно дает искажение на любое волшебство. Сними браслетик — и у тебя сразу все получится.

— Не сниму! — я торопливо отдернула руки, как будто мое единственное сокровище уже собирались у меня отобрать. —

Ни за что не сниму!

– Тогда, – парень наставительно поднял кверху указательный палец, сделавшись до смешного похожим на одного из взрослых учителей. – Тебе придется научиться делать поправку на это искажение.

– Поправку? – я удивленно смотрела на него, пытаясь понять, о чем он говорит. – Это как?

– Я научу, – он улыбнулся еще шире. – Просто представь, что ты бросаешь легкий мячик, когда дует ветер. И чтобы попасть в цель, тебе нужно понять, откуда этот самый ветер дует, и сделать на него эту самую «поправку» – то есть кинуть сильнее, чем ты изначально собиралась, если ветер дует тебе в лицо, или наоборот, послабее, если ветер в спину. С волшебством точно так же. Тебе надо понять, как именно тебе мешает браслет, куда он отклоняет твою силу – и просто делать на него поправку. Браслет – это ветер, а заклинание – мячик, которым тебе надо попасть в цель.

– Браслет – это ветер... – задумчиво повторила я, вытирая рукавом слезы и снова глядя на подушку. Теперь, когда мне об этом сказали, я в самом деле ощутила браслет, как невидимый бугорок слева, как ветерок, который «сдувал» заклинание, которое я пыталась создать, немного в сторону от цели...

Подушка, на которую я так упрямо смотрела, неожиданно вздрогнула, плавно приподнялась над покрывалом на

целый локоть и так же неторопливо опустила.

— Ух ты! Получилось! — взвизгнула я, кидаясь на шею парню с такой силой, что едва не уронила его на кровать. — Спасибо! Меня Арайя зовут! А тебя?

— Грач, — усмехнулся он, свободной рукой взлохматив мои и без того растрепанные волосы. — Видишь, ты все-таки волшебница. Ну, или когда-нибудь ей станешь, если не будешь прогуливать занятия. Брысь в общий зал.

— Ага! — я слезла с кровати и метнулась к двери, когда меня настиг окрик моего нового знакомого.

— Умыться только не забудь, малявка! А то сопля под носом висит.

Я едва не споткнулась на повороте, чувствуя, как не только щекам, но еще и ушам становится жарко, и по дороге в общий зал зашла в умывальню и очень тщательно, с мылом вымыла лицо...

Грач... Что же с тобой приключилось за эти три года, если они так тебя изменили?

Я осторожно закрыла широко распахнутые, уже ничего не видящие глаза бывшего друга, кончики пальцев мазнули по щеке, зацепив быстро остывшую на холоде липкую кровавую пленочку. Внутри — пустота, жуткая, неотвратимо разрастающаяся. Чернее самой черной ночи, беззвучная, немая, и на дне ее плещутся, постепенно поднимаясь из самых глубин, отчаяние и горечь.

Бездна... Она живет в каждой человеческой душе, скрываясь на самом дне зрачков и ожидая своего часа. Того момента, когда проломится истончившийся лед жизнелюбия и из разверзшейся полыни хлынет все самое беспросветное, самое невыносимое, что копилось в человеке все годы его жизни.

Я никогда не отбирала человеческую жизнь. И всегда надеялась, что мне и не придется.

Так... наивно...

– Нам надо уходить, Пряха, – тихо произнес скрипач, крепко, почти до боли сжимая мое плечо. Мгновение – и я почувствовала, как он осторожно вкладывает нож с чайчьи-ми крыльями в опустевшие ножны на моем поясе. – Пойдем. Нас могут увидеть рядом с телом, а это будет лишнее. Идем, пока еще можно.

Пока... можно...

Я медленно подняла голову, глядя в глаза менестрелю – и он отпрянул, торопливо убирая ладонь с моего плеча. Неужели он увидел в моем взгляде ту Бездну, в которую камнем опускалась моя скованная горечью и чувством вины рубиновая душа-птица?

Идти, пока можно...

Куда идти?!

Где скрыться, если рано или поздно Вортигернский Орден примется искать своего верного прислужника, и ведь непременно найдет. Если не само тело – то хотя бы его следы в Эй-

ре. А там... опытный волшебник и через полгода сможет по следам с помощью волшебства найти тело. Подскажут пятна крови на этой самой площади, остатки заклинаний Грача, да и моих заклинаний тоже. Ведь они не исчезают сразу, эти остатки, они оставляют свои штрихи в окружающем мире. И тогда у ищущих колдунов будет в руках ниточка, которая приведет их ко мне, как привела меня к Стефану принадлежавшая ему рубашонка.

Рано или поздно – но это случится.

И тогда на меня будет открыта третья охота, избежать которой мне уже не удастся...

– Пряха? – голос Гейла прозвучал очень глухо и низко. Тревожно. – Ты чего?

– Уже поздно, – негромко произнесла я каким-то странным, неестественно спокойным тоном. Неестественным – потому что внутри меня уже кричала в панике маленькая девочка, забившаяся в угол кровати и безуспешно пытающаяся укрыться от надвигающихся на нее из темноты пронзительно-зеленых светящихся глаз неведомого чудовища. – Третья охота... Уже третья... Я не смогу...

Я вскочила на ноги и сильно толкнула Гейла, да так, что он упал в снег, едва не уткнувшись лицом в сапог мертвого чародея, развернулась – и понеслась прочь с площади, к маленькой узкой улочке, оскальзываясь на ледяной корочке.

Быстрее. Еще быстрее, пока холодный ветер, бьющий в лицо, срывает со щек быстро остывающие слезы. Пока не ис-

сякла решимость и не осталась лишь постыдная трусость, с которой я буду цепляться за эту жизнь до самого конца, до упора...

Пока мне не впечатают рабское клеймо в шею, не уведут насильно в холмы фэйри или же меня не настигнет яростная буря, скользящая среди ночных теней.

Я была как лисица, которая мечется по тропам, не разбирая дороги, а охотничье кольцо вокруг нее неумолимо сжимается с каждой минутой. И нет уже сил, чтобы бороться, нет желания цепляться за эту самую жизнь зубами – а уже слышны приближающийся лай гончих псов и жуткие крики двуногих охотников, для которых травля лишь развлечение. Их ведет не голод, не желание защитить себя, свой дом или семью, а непонятная, непостижимая для лесного зверя прихоть – убийство ради забавы, ради самого убийства, ради трофея...

Я поскользнулась и едва не упала, успев ухватиться за стену дома. Несмотря на холод, мне было жарко и невыносимо душно в теплой свите. Высокий ворот давил на горло, как тугая шершавая ладонь. Я глотала холодный воздух, пытаюсь избавиться от колотья в правом боку – и не могла. Мне чудился летящий вместе с порывами ветра голос – низкий, напряженно гудящий, как перетянутая басовая струна. Казалось, что где-то позади, среди теней, уже маячит погоня, от которой мне не скрыться – и сердце, едва успокоившись, снова принималось колотиться почти до боли.

Каменная лестница навверх, покрытая присыпанной колким снегом ледяной корочкой. Я поднималась, держась за стены домов, не задерживаясь, чтобы оглянуться назад – потому что боялась того, что могла там увидеть.

Улица-лестница кончилась тогда, когда я готова была упасть на колени и взбираться ползком. Я почти не чувствовала пальцев на руках, ресницы слиплись от слез, поэтому я с трудом видела путь в сгущающихся сумерках.

Наконец – вершина, крохотный скверик, разбитый на скалистой площадке склона. Я выпрямилась, наконец-то ощутив, как горит от боли перетруженное, только-только зажившее колено. Как онемело от холода открытое лицо и кончики ушей, а растрепанные волосы чуть-чуть царапают щеки.

Та самая площадка, на которую меня приводил Гейл...

Я пошла вперед, к самому краю. Такое... смешное ограждение, обычная несильно натянутая веревка, протянутая от одного столбика к другому, она даже до пояса мне не доходит...

На запястье ощущается вспышка тепла, высвобождая небольшой заряд магии из костяной бусины-амулета – и веревка в одном месте лопается, размочаленные концы тяжело падают в снег.

Путь свободен!

И внутри меня в неожиданном замешательстве отодвигаются призрачные зеленые глаза, отступает удушающая го-

речь и страх. Потому что всего несколько шагов – и того жуткого будущего, которое мне предрекает третья охота, его просто не будет. Для меня – не будет.

Почему-то от этой мысли, которая должна была меня испугать еще больше, становится только спокойнее.

Валь отучил меня бояться смерти, ночь за ночью, рывок за рывком вынуждая смириться с тем, что смерть для меня – вещь не просто неизбежная, а скорая и неотвратимая. Каждый день – это борьба за лишние версты. Наступление вечера – битва за минуты жизни. Ночь, проведенная за низкой кладбищенской оградой староверовых погостов, отделяющей меня от охотника с разноцветными глазами – всего лишь передышка, вырванные у смерти часы жизни...

И вот сейчас, благодаря этому всему – я не боялась того, что ждет меня за шагом с обрыва. Я неистово боялась того, что меня ожидает, если я этого шага не сделаю.

Поэтому...

Снег еле слышно поскрипывал под подошвами сапог, столбики с сиротливо провисшей веревкой становились все ближе.

Это – тоже мой выбор.

Проходя мимо, я коснулась одного из столбиков ладонью, как бы на прощание. Дерево было гладким, невыносимо холодным и давным-давно мертвым. Внизу лежал Эйр. Распахнутая шкатулка, наполненная золотистыми и янтарными огоньками далеких окон. И до этой шкатулки оставался все-

го один шаг...

Что-то с силой ударило меня в бок, перехватило за пояс – и одним рывком отдернуло, отбросило прочь от манящих золотистых огней Эйра в чаше крохотной долины у подножия холма. Я перекатилась по снегу, но не успела подняться, как на меня налетело что-то сильное, темное, кипящее от ярости, уронило на спину и безжалостно навалилось сверху, вминая в пушистый снег. Щеку обожгла одна пощечина, потом другая, и лишь тогда я услышала голос, искаженный криком, болезненно ввинчивающийся в уши.

– Женщина!!!

Меня приподняли за грудки, сильно встряхнули, да так, что зубы клацнули, едва не прикусив кончик языка – и снова уронили обратно в снег.

– Рехнулась?!

Еще один рывок, холодное лезвие на мгновение пощекотало шею, что-то подцепило самым кончиком – и спустя мгновение я ощутила, как кожу обжигает с силой вытянутый из-за пазухи шнурок. Я только и успела, что проследить взглядом за тем, как в сторону летит железный кулон в форме длинной витой раковины с острым кончиком и пропадает где-то в снегу...

Гейл навис надо мной, перехватив мои руки за запястья и удерживая их у меня над головой, полностью утопив в снегу. Крепко держал – не вырваться.

Не освободиться.

– Отпусти меня! – Я сама не узнала свой голос – тонкий, почти детский, сиплый какой-то, плохо слышимой даже мне самой.

– Зачем?! – прорычал он, с трудом перекрикивая поднававшийся ветер. – Чтобы ты сделала еще какую-нибудь глупость?

– А тебе какое дело?! – Я рванулась, пытаюсь выбраться из этих тисков, но Гейл только сильнее надавил сверху, для верности еще и крепче сжав коленями мои бедра, лишив меня возможности брыкаться. – Это моя жизнь! И мое право, как ей распорядиться! Ты не можешь мне мешать!

У меня было чувство, будто бы я падаю в бесконечную яму, из которой уже не выбраться, в глубокий омут, заполненный черной, мутной, затхлой водой, и нет дна у этого омута, у этого нежелания жить. Если не сейчас... то как потом, когда угаснет решимость и простая человеческая трусость не даст мне переступить эту черту, из-за которой уже не возвращаются? Где потом найти силы, чтобы завершить все это, раз уж не осталось сил, чтобы бороться до последнего?!

– Я не хочу заканчивать свою балладу так. Волшебница, бросившая вызов Дикой Охоте... – он перехватил мои руки поудобнее, наклонился так, что растрепанные, выбившиеся из хвоста волосы защекотали мое онемевшее от холода лицо. – И несколько лет бегавшая от своего охотника, победительница фэйри всех видов шагнула с горы из-за страха пе-

ред человеческими волшебниками?!

Я засмеялась. Истерично, зло, чувствуя, как слезы снова текут по щекам, растапливая крохотные соленые льдинки на ресницах, задыхаясь от этого смеха – но не в силах остановиться.

– Дурак... Третья... охота... Третья!

Смех оборвался, остались только слезы, но они уже не душили, просто лились по щекам.

– Это люди... Ты посмотри на меня... Гейл! Фэйри не могут сотворить того, что могут сделать люди! Потому что для нас, для людей, никаких правил, кроме Условий колдовства, не придумано и не написано! Я не могу... я не хочу... Все уже безнадежно... Охотник... он до конца жизни будет меня ненавидеть, как Грач ненавидел своих хозяев в Ордене. Фэйри... уволочут в холмы, если я им попадусь... а люди... мне их не распознать в толпе, не скрыться под волшебным плащом... Гейл, если у тебя хоть немного жалости ко мне осталось – отпусти! Сейчас же, немедленно....

Я не договорила – потому что рот у меня оказался заткнут поцелуем. Горячим, болезненным для моих потрескавшихся на морозе губ, ошеломляюще неожиданным... и сладким, как цветочная пыльца. От Гейла пахло вереском – даже сейчас, на этом северном ветру, на этом почти зимнем морозе, от него шел этот тонкий, едва уловимый аромат. И что-то еще, пряное, горьковатое, как последние осенние цветы, как запах костров, на котором жгут палую листву. Так, как пах-

нет земля перед тем, как зарядят дожди и наступят холода...

Что-то внутри меня разломилось с глухим болезненным стоном, будто раскололся вдребезги невидимый хрустальный панцирь, укрывавший мое сердце тонкой, почти незаметной броней равнодушия, отчуждения, отстраненной нелюбви к окружающему миру. И сквозь образовавшиеся трещины пролилось чувство цвета солнечных лучей, оно проросло из крошечного семечка, развернулось внутри меня пышным цветом, озарило меня изнутри – и я увидела, что по ошибке посчитала за Бездну всего лишь небольшую яму, скрытую в глубокой тени...

Гейл едва ощутимо вздрогнул, подался назад – и тогда я, повинувшись неведомому ранее чувству, потянулась за ним, ловя его губы в очередной поцелуй и неожиданно оказываясь в его жестких, до боли сильных объятиях...

Кажется, он шептал в коротких, едва ощутимых промежутках между поцелуями, что нам надо остановиться, что мы должны... И я с ним соглашалась – да, безусловно, надо...

Вот только как это сделать, если каждое касание распукалось во мне солнечной искрой, каждый поцелуй делал меня еще на шаг ближе к осознанию того, что я все еще не готова расстаться с жизнью. Что *теперь* – я хочу за нее бороться. Я хочу завершить начатое – и тогда разыскать Гейла даже на краю света, и просто рассказать ему, как все было и чем все закончилось. Как остановиться, остановить этот бурный

солнечный поток, который согрел меня изнутри, оживил мои пальцы настолько, что я стала чувствовать и грубую шерсть теплой куртки на плечах Гейла, и тонкие пряди волос, задевавшие щеки?

Как?

Острый пряный аромат палой листвы, на миг перебивший холодный запах снега.

Окатившее меня волной благословенное тепло, окончательно отогнавшее мороз и проникшее всюду. Я будто бы очутилась в натопленной, пронизанной солнечным светом горнице рядом с очагом, в котором весело потрескивало укрощенное пламя, с кружкой горячего яблочного вина с медом, в теплых родных объятиях, бесценных и нерушимо-надежных...

Скрипач оторвался от меня с тихим стоном – и крепко, судорожно обнял, уткнув меня лицом в жесткое плечо и прижавшись щекой к моим волосам. Я чувствовала легкое головокружение, ощущала его теплую ладонь на своем затылке, то, как бурно вздымается и опадает его грудь. Он еле слышно, сбивчиво просил прощения, искренне, неустанно...

За что?

Я была опустошена – но это опустошение было сродни отступившей болезни, когда человек, пережив наконец-то самые острые мгновения лихорадки, оказался на пути к неминуемому выздоровлению.

И внутри намертво засела, с каждой секундой вращая все

глубже, тонкая золотая игла нового щемящего чувства. Что вот сейчас... пока он держит меня в своих объятиях...

Я непременно выживу. Вопреки всему. И потом, когда все закончится – найду его. Просто посмотрю в его серые, как речной лед, глаза – и непременно скажу об этой тонкой золотой игле. И неважно будет, что он скажет в ответ. Да и даже если просто промолчит, отвернется с мягкой снисходительной улыбкой и пойдет прочь по дороге. Все это будет уже неважно...

– Нам надо идти, – хрипло выдохнул он, по-прежнему прижимая меня к себе и чуть покачивая, будто ребенка. – Ты замерзнешь...

Мне было невыносимо трудно ответить, настолько я была ошарашена, поглощена мешаниной новых для меня чувств, которые я никак не могла привычно рассортировать и «разложить по полочкам» – и тогда Гейл просто поднялся, с усилием ставя меня на ноги, крепко взял за руку и повел за собой. Я не сопротивлялась, послушно следуя за ним к выходу из скверика. В двух шагах от тускло горящего фонаря менестрель неожиданно остановился, выпустил мою ладонь и наклонился, поднимая что-то с земли и хорошенько отряхивая.

– Я забрал твои вещи с площади, – тихо проговорил он, стараясь не встречаться со мной взглядом. Почему? Ему действительно стыдно... за эти поцелуи на ветру? Только за это?

Тяжелый, облепленный снежинками плащ Раферти лег мне на плечи, и сразу же я перестала ощущать жалящие уку-

сы зимнего ветра. Гейл отряхнул от снега шапку, которую надвинул мне на голову, как ребенку, сунул мои ладони в настывшие на холоде рукавицы и в последнюю очередь протянул мне палку, о которой я успела позабыть.

– Я отведу тебя домой к Изе, – рука менестреля крепко ухватила меня под локоть и потянула за собой, к длинному спуску по улице-лестнице. – А как быть с произошедшим – подумаем уже завтра.

Уже у подножия каменной лестницы я поняла, что Гейл имел в виду смерть чародея, но никак не те шальные поцелуи на открытой ветрам смотровой площадке – и лишь тогда осмелилась поднять взгляд на идущего рядом скрипача, так и не выпустившего мой локоть. Редкие фонари, подвешенные над изящными крылечками домов, выхватывали из темноты его бледное, почти белое лицо со строго поджатыми бескровными губами и хищно сощуренными из-за дующего в лицо ветра глазами. Волосы растрепались, то и дело скрывая от взгляда изящный профиль бастарда высокого происхождения, и я впервые задумалась – а что я, по сути, знаю об этом странствующем музыканте? Откуда он? Где родился и как провел детство? Как он вообще жил до того, как наши с ним дороги неожиданно пересеклись, и отчего «обычный менестрель» так хорошо владеет двумя короткими клинками? Это не тот стиль боя, которому можно научиться в дороге или между делом. Ведь чтобы метать ножи достаточно лишь верной руки, точного глаза и регулярных тренировок

при каждом удобном случае. Но если захочешь вот так вертеться смертоносной мельницей, соперничая по скорости с фэйри-полукровкой, успевая еще и разворачивать лезвие из холодного железа так, чтобы оно служило щитом, о который разбивается магия, надо было долго учиться у весьма толкового учителя-мечника.

Кто же ты на самом деле, Гейл?

Раньше этот вопрос меня не слишком волновал, поскольку я и не думала задерживаться рядом с менестрелем надолго. Я считала его лишь случайным попутчиком, скрашивающим дорожные версты, с кем можно было поболтать о ничего не значащей ерунде, послушать байки или скрипичную музыку, но сейчас...

Сейчас, когда он оттащил меня от ощерившейся зубчатым краем бездонной пропасти, когда, невольно быть может, он дал мне новую соломинку, за которую я смогла удержаться на самом краю и не рухнуть вниз, когда я осознала, что не хочу выпускать его ладонь, что хочу еще долго-долго вот так идти рядом с ним по одной дороге, смотреть на него, слушать его голос, я захотела знать о нем больше. Потому что тогда у меня будет шанс отыскать его в этом большом мире спустя четыре года, когда охота на меня будет завершена. Я приложу все усилия, чтобы у меня была возможность найти Гейла потом...

Я споткнулась и едва не упала, повисла на руке менестреля – и он довольно бесцеремонно вздернул меня на ноги, да-

же не повернув голову в мою сторону.

Что-то изменилось. Не только во мне – но и в нем тоже. Слишком резкие движения, слишком чужими и крепкими кажутся пальцы, стиснувшие мой локоть. И лицо – сосредоточенное, застывшее, белое. Будто бы маска, которая вот-вот спадет.

– Гейл, – негромко произнесла я, и он едва заметно вздрогнул, чуть склоняя голову. – Не тяни так сильно, мне больно.

Он мгновенно сбавил шаг, и пальцы его слегка разжались, не вдавливаясь больше в мою руку. И на том спасибо.

Поворот за угол, подъем по короткой каменной лестнице с широкими ступенями – и мы оказались у дома цветочницы Изы, призывно и уютно светящегося небольшими окнами, забранными мутными пластинами. Еще немного – и на ночь их будут закрывать тяжелыми ставнями, и тогда в темноте на дом станет указывать только фонарь, подвешенный над крыльцом.

Ладонь скрипача тяжело соскользнула с моего локтя, Гейл отвернулся, резким рывком набрасывая на непокрытую голову капюшон неизменного фиолетового плаща и отвернулся, собираясь уйти прочь, как я, повинувшись непонятному порыву, стряхнула рукавицу с освободившейся руки и ухватила менестреля за рукав куртки.

– Гейл!

Он остановился и повернул голову в мою сторону. На

мгновение... мучительно-пугающее, когда фонарь качнуло ветром, и золотистый круг света скользнул в сторону, погрузив лицо скрипача в полумрак, мне почудилось, что глаза его вспыхнут разноцветными огнями... правый сиреневый, левый – зеленый...

Наваждение схлынуло, фонарь качнулся обратно, и я увидела усталые и раздраженные светло-серые глаза, такие, какими они были всегда.

– Что еще, Пряха?

Тон такой холодный, почти злой, что я невольно смутилась, выпустила его рукав и бессильно уронила руку вдоль тела.

– Я просто... хотела сказать спасибо.

– Не за что, – торопливо отозвался менестрель, по-прежнему глядя на меня сверху вниз, и взгляд этот был тяжелым и непривычно холодным, как давящая на плечи ледяная глыба. Мне хотелось заорать на всю улицу – зачем ты тогда целовал меня, если сейчас смотришь на меня такими равнодушными глазами?! – но я лишь отвела взгляд, стараясь как-то совладать со своими чувствами, которые жгли изнутри и заставляли чувствовать себя несправедливо обиженной на ровном, в общем-то, месте. – Это все?

– А еще, – пришлось сделать над собой усилие, чтобы посмотреть ему в глаза, и в очередной раз удивиться тому, каким я его вижу. Будто бы отдернулся в сторону пыльный паутинный занавес, и я увидела мир более ярким, пронизан-

ным новыми, неведомыми оттенками цвета, запаха и звука. — Еще я хотела сказать, что когда для меня все закончится, то я тебя найду. Просто чтобы рассказать, как оно все было.

— И больше ничего? Только за этим? — он неожиданно улыбнулся. Едва-едва, самыми краешками бледных губ, и мне отчего-то стало не по себе — такой неуволимо знакомой мне показалась эта слабая улыбка. — Пряха, мне в самом деле жаль, что получилось так, как получилось, и в этом я перед тобой виноват. Если бы ты была, скажем так, более опытной женщиной, я отвел бы тебя не к Изе, а в свою каморку на постоялом дворе и с чистой совестью завершил бы начатое в более комфортных условиях. И ты, и я знали бы, что утром мы ничем не будем обязаны друг перед другом и со спокойной душой разошлись бы в разные стороны света, когда закончится зима. Но ты девица, и мне совершенно не хотелось бы стать для тебя тем первым, забывать которого ты будешь мучительно долго через слезы в подушку — но так по-настоящему и не сможешь забыть никогда.

Он протянул руку и легонько погладил меня по щеке. Такой снисходительный жест умудренного жизнью и опытом мужчины, к которому невесть зачем прибилась восторженная глупая девка, ничего не замечающая за красивым лицом и хорошими манерами. Я вздрогнула, но не отстранилась, только отвела взгляд.

В общем-то, я и раньше знала, что с Гейлом у меня ничего не получится. Не могло получиться — слишком мы разные,

слишком непохожие, пусть даже оба бродяги и успели на своем коротком веку пройти немало дорог. Ведь самая большая разница у нас в том, что Гейл сам выбрал такой путь, а меня гонит из места в место ожившая тень с разноцветными глазами, осенняя буря, позволяющая лишь редкие передышки. Не говоря уже о том, что охотнику Валю очень и очень не понравится мужчина, рискнувший встать у него на пути, чтобы защитить меня. Грач в свое время поплатился за эту благородную, но глупую попытку. Если бы Гейл захотел ее повторить, то одним шрамом мог бы и не отделаться.

Потому что ради этого менестреля я бы переступила через черту из хладного железа, оберегающую меня ночью от клинка охотника, и этого Валь музыканту не простил бы никогда.

Но если та золотая игла неведомого чувства, которое я только начала осознавать, если она удержит меня над пропастью, не позволит сорваться и пронести груз, что обрушился на мои плечи, до самого конца – пусть так. Все равно в сердце мне охотник заглянуть никогда не сможет...

Я подняла на него взгляд – и осторожно дотронулась до его ладони кончиками пальцев.

– По правде говоря, я ни на что и не надеялась. Но за то, что оттащил от края пропасти – спасибо. Доброй ночи, Гейл.

Отвернувшись, я поднялась по истертым каменным ступеням, которые сама утром тщательно очищала ото льда и снега и посыпала крупным речным песком. Стукнула коло-

тушкой по дверному косяку, а когда Иза, обеспокоенная и укутанная в теплый пуховой платок, приоткрыла дверь, то шагнула в тепло крохотной прихожей, даже не обернувшись.

– Девка, – тихо пробормотала Иза, торопливо захлопывая дверь и задвигая тяжелую кованую задвижку. – Что с тобой приключилось?

Я не знала, что мне ответить, потому что смотрела пожилая цветочница на светло-серый рукав моей свиты, на которой умирающий чародей оставил уже высохшую, намертво въевшуюся в тугие шерстяные петли бурую кровавую метку...

Глава 3

Нетронутое снежное полотно искрилось и блестело в лучах по-зимнему холодного солнца – еще немного, и глаза могут начать болеть и слезиться. Яркое сегодня солнце, очень яркое. И небо такое высокое, голубое, хрустально-чистое, ни единого облачка до самого горизонта. Не то что вчера, когда метель, разразившаяся в середине дня, едва не заставила меня повернуть обратно в Эйр, наплевав на собственную опасность. Просто вернуться – а там будь что будет. К счастью, я успела скрыться от непогоды в густом пролеске на пологом склоне, где и ветер был послабее, и удалось быстро найти укрытие. Мне уже приходилось ночевать зимой в лесу, и эта ночевка была не самой худшей в моей жизни, по крайней мере, я не испытывала недостатка ни в топливе, ни в еде, ни в теплых вещах.

В этот раз обо мне было кому позаботиться и кому собрать в дорогу.

Я глубоко вздохнула, поправила ременную петлю и подтянула поближе нагруженные санки, накрытые плотной плетеной рогожей и перехваченной поверх нее веревкой. Прощальный подарок от семьи эйрского кузнеца – удобные лыжи, санки, необходимые для недолгого зимнего перехода вещи. Он принес кое-что еще, и в этом «чем-то» я не увидела

доброе предзнаменования.

Среди вещей, что передал мне кузнец Найл, помогая бежать из Эйра после убийства чародея, был недлинный «подростковый» меч, который был выкован им сразу после рождения сына. Первый меч для наследника рода, изящная рукоять под небольшую руку, оплетенная коричневой кожей, и хорошо сбалансированное обоюдоострое лезвие из холодного железа. Этот меч попросил передать Стефан, спасенный в Самайн мальчишка, чтобы он защищал меня в далеких землях. Красивый, очень взрослый жест – но внутри все равно что-то дрогнуло, когда я взяла этот меч в руки и обнажила отполированное до зеркального блеска лезвие.

С некоторых пор я верю, что все случайные вещи, попадающие мне в руки, на самом деле очень неслучайны, и обладание мечом означает, что охота переходит на новый уровень. Раньше я только убегала и пряталась, защищалась всем, что попадется под руку – палкой, железной цепью, мешочком с солью или зачарованным амулетом из деревянных бусин. Теперь, возможно, мне придется проливать кровь, свою и чужую, чтобы дойти до конца намеченного пути, не только защищаться, но и нападать самой...

Не самая вдохновляющая перспектива.

Я выпрямилась и неторопливо пошла дальше по наметенному снегу. По правую руку темной грядой вздымались высокие ели, царапающие хрустальные небеса острыми вечно-зелеными верхушками, а по левую шел спуск в низину. Ту-

да-то мне и надо, на берег озера, которое уже должно было схватиться крепким для перехода льдом. За ним уже будет небольшая деревушка под названием Звериный Угол, где селятся семьи охотников, промышляющих дичью и пушниной. Сомневаюсь, что меня бы приняли там на зимовку, если бы я просто проходила мимо и понадеялась бы на доброту поселенцев. Но кузнец уверил, что один из живущих там охотников ходит не только в его должниках, но и побратимах, и потому примет, как родную сестру или дочь. А если вдруг моего слова недостаточно окажется, то нужно будет показать истертую от времени половинку серебряной монеты, которую передал кузнец в простом кожаном кошельке. Этого будет достаточно, чтобы мне поверили и разрешили остаться в теплом доме до наступления весны. О пище, скорее всего, придется позаботиться самостоятельно, но всегда есть надежда, что удастся договориться со звероловами и платить за свое пропитание посильной колдовской помощью.

Интересно, сочтет ли Валь это мое неожиданное решение сменить место зимовки уже после того, как выпал снег, за нарушение нашего с ним договора? С одной стороны, меня вынудили обстоятельства, а с другой – когда это подобные тонкости волновали моего преследователя? Всё верно, не припомню я таких случаев...

А ведь то раннее утро никак не предвещало столь резких перемен в моей жизни. Я только-только проснулась и еще не успела осмыслить и осознать произошедшее накануне – и

смерть Грача от моей руки, и страшный миг на краю обрыва, и поцелуи менестреля, разбудившие во мне странные горько-сладкие пронзительные чувства... Все это казалось неведомым запутанным сном, никак не желающим отпускать меня поутру, но осторожный стук в дверь быстро расставил все по местам. Поначалу пришла Эрика, жена кузнеца, закутанная в пуховой платок по самые глаза. Именно она, тихонько проскользнув в мою комнатку, рассказала, что муж просил меня начать собираться в дорогу. Сегодня, сейчас, не теряя ни минуты. Потому что по городу уже ползут слухи, что приезжего чародея видели мертвым на одной из площадей, а потом тело таинственным образом исчезло, не оставив никаких следов. Конечно, это пока всего лишь слухи, да и речной путь уже схватился льдом, ни один корабль до весны не придет, но как только злые языки донесут про мертвого чародея до градоправителя, безнаказанным это не останется. Будут искать виноватого, если не найдут, то назначат, чтобы было, кого отдать по весне орденским прислужникам, когда те приедут искать пропавшего. И в первую очередь под подозрение попадут приезжие...

Жена кузнеца еще добавила, что муж ее помнит про свой долг и намерен в ближайшее время его отдать, и торопливо покинула меня, оставив в еще более смятенных чувствах. Впрочем, растерянность быстро сменилась лихорадочной деятельностью, и к тому времени, когда в дверь постучал сам кузнец, я почти была готова к тому, чтобы поки-

нуть Эйр. Все то, чего не хватало для зимнего перехода хотя бы до ближайшего села, расположенного в трех днях пути, я собиралась купить на торговой площади, пока еще раннее утро и народу не слишком много, но оказалось, что Найл уже обо всем позаботился. И новые лыжи, и припасы, и небольшие низкие сани с широкими полозьями – все это уже ждало меня у городских ворот. Кузнец вручил мне меч, который когда-то выковал для своего сына, маленький кошелек с половинкой монетки и рассказал, как добраться до Звериного Угла. В эту глушь до лета совершенно точно никто не сунется – весной дураков не найдется месить грязь в тех местах, а когда дороги станут проходимыми для повозок и верховых, я давно уйду своим путем налегке. На мой осторожный вопрос о том, что случилось с телом чародея, кузнец неопределенно пожал плечами и пробормотал, что река надолго все скроет.

Вот так кузнец взял на себя часть моей вины в уплату долга. Он ведь даже не спросил, за что и почему я убила этого чародея, он просто спрятал тело в проруби «седой» реки и собрал все необходимое, чтобы я могла бежать прочь от Эйра, дотянуть до весны – и устремиться отсюда как можно дальше. Через северный перевал горными тропами, через холодную, продуваемую семью ветрами степь – а там мне откроется выход к морю, где я смогу смешаться с огромной толпой, уплыть куда-нибудь на острова или пуститься в путь вдоль изрезанного бухтами берега континента, пока будут позволять средства и силы. Главное – не приближать-

ся к Вортигерну, держаться подальше от крупных городов, а там... Впрочем, так далеко я уже не заглядывала – сказала привычка жить сегодняшним днем и лишь немного заглядывать вперед, чтобы не сбиться с пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.